

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ПАРИЖ В КАРМАНЕ

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Париж в кармане
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17036959
Соболева, Лариса. Париж в кармане : [роман]: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-087781-2

Аннотация

Пуля пролетела мимо и вонзилась в дубовую дверь. Стрелявший промазал, но Марк Ставров почему-то был уверен, что промахнулись специально. Убийца словно решил поиграть с Марком. Что происходит? Кто и за что хочет от него избавиться? Удары сыпались на Ставрова со всех сторон: наглый мотоциклист-убийца, преследующий его машину; покушение на любимую женщину Алису, а затем и таинственное ее исчезновение; банковская афера, унесшая с его счетов изрядное количество денег... Однако именно доверенность, которой воспользовался мошенник, вернее мошенница, в банке, навела Марка на страшные подозрения...

Ранее книга издавалась под названием «Два гения – одно злодейство»

Содержание

1		6
	Россия, 2 сентября, вечер	6
	Париж, этот же сентябрьский вечер	9
	Россия, это же время	19
	Париж, часом позже	29
	Россия, в это же время	40
	Россия, утро следующего дня (21 сентября)	43
	Париж, вторая половина этого же дня	46
	Россия, полмесяца спустя (5 октября)	56
2		64
	Полгода назад, или 4 мая, вечер	64
	Час спустя	72
	Утром следующего дня...	77
	Прошло несколько дней	86
	Тот же вечер, на другом конце города	92
	На следующий день	95
	Прошел месяц	98
	22 августа	107
	В это же время за городом	114
	На следующий день	118
	Утром	126
	В это же утро	129
	Несколькими часами позже	132

Лариса Соболева

Париж в кармане

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

Игра случая

Россия, 2 сентября, вечер

Марк Ставров захлопнул дверцу «Форда», заложил руки в карманы брюк и недовольно покосился на охранников. Те, подняв капот, с детской увлеченностью разглядывали внутренности автомобиля. Иногда из-под капота выпрыгивал луч фонарика, а телохранители выпрямлялись и вполголоса переговаривались. Вечер выдался настолько тихий, безветренный, что все звуки вокруг слышались отчетливо. Потому Марк и уловил рев мотоцикла еще издали, отчего нервы натянулись. Вскоре мимо промчался мотоцикл, остановился неподалеку, мотоциклист вбежал в продуктовый магазин. Марк почувствовал облегчение и нетерпеливо спросил:

– Ну что там?

– Кажется, все в норме, – ответил Кеша, не высовывая головы из-под капота. – Свечи надо проверить. Леха, дай-ка перчатки.

Леха обошел машину, открыл багажник. Оба телохранителя умеют многое. Леха по собственной инициативе выполняет обязанности водителя, Кеша ремонтирует транспорт и

бытовую технику, экономя боссу деньги. Марк не скупится, оплачивает их работу с лихвой, потому что знает: скупость, бывает, стоит жизни, тогда все сокровища мира уже не понадобятся. Ставров доверяет им, как себе, сейчас ведь мало найдется людей, которым можно доверять, а ему повезло.

– Надолго? – спросил он.

– Быстрее, чем есть, не будет, – сказал Леха неестественно тонким голосом, шествуя к Кеше с вязаными перчатками в руках. Из-за высокого тембра многие ошибочно принимают его за голубого, а Леха мужик во всех смыслах, кроме голоса. Он отдал перчатки Кеше и бросил Ставрову: – Вон бар, зайди выпей, а не стой у нас над душой.

Марк повернулся. Напротив мигала неоновая надпись: «...ар ор». Усмехнувшись про себя светившейся нелепости, Марк побрел на огонек. У входа задержался и поднял голову. Оказалось, что бар называется «Бор», просто начальные буквы слов не загорелись. Внезапно на плечо легла тяжелая рука, а хриплый голос произнес:

– Вот я тебя и поймал!

Грудь обожгло кипятком, затем кипяток распространился по рукам и ногам, пульсировал в висках, но, не найдя выхода, вернулся назад к сердцу. Ставров не потерял способности мыслить, а мысли проносились одна страшней другой: «Все. Конец. Так глупо». Тяжелую руку и хриплый голос Марк мгновенно связал с выстрелом в начале мая и со всеми последующими событиями. Сейчас он ждал второго

выстрела, которого тогда, в мае, так и не услышал, однако понимал, что когда-нибудь это случится. Единственное, чего хотел в данную минуту, так это посмотреть в лицо человеку, который его убьет...

Париж, этот же сентябрьский вечер

Мелкие пузырьки дешевого вина, прилипшие к внутренним стенкам стакана, ловили электрический свет, придавая рубиновому цвету искристость. Выпив половину красной кислятины, Володька поморщился, но потом с приятным ощущением усталости откинулся на подушку.

Через открытое окно влетал в маленькую каморку свежий воздух и гул ночного Парижа. Днем отсюда виден лишь внутренний двор, ночью – зияющая чернота внизу да стена напротив. В это время суток можно с трудом разглядеть одни мусорные баки внизу, где в недавнем прошлом он частенько отыскивал ужин. Кстати, давнего прошлого у него нет. Нет, прошлое, конечно, есть, как у всякого человека, но в двадцать три года о нем не задумываются, в нем не путаются, оно не приносит ни радости, ни сожаления.

Володька – оригинальный субъект: откровенный, независимый, вспыльчивый, немного авантюрист и не умеет жить по распорядку обывателей. Еще талантливый, это, пожалуй, в нем главное.

День выдался умопомрачительный. Уж каким образом удалось попасть на выставку молодых художников – одному богу известно, в которого он не верит. Устроители выставки взяли три его работы из шести. Три картины проданы! О таком успехе можно только мечтать, хотя художник из России

был уверен в нем. Конечно, не без помощи Влада, работающего во Франции рекламным агентом. Сегодня открылся путь на вершину, к славе!

На выставке... О, это что-то! Ничего подобного в России не бывает. Ну, во-первых, молодому дарованию попасть на престижную выставку хренушки дадут динозавры из Союза художников, захватившие Олимп еще в застойные времена. А если ты к тому же из провинции, на тебя вообще смотрят как на червяка, попавшего в тарелку. Во-вторых, ты обязан считаться с их вкусами, с их мировоззрением, что просто невыполнимо, если хоть немного талантлив. А в-третьих, вопросы: «Где учились?.. Ах, всего-то худшкола... Сколько персоналок?.. Ах, ни одной...» и тому подобная дребедень – унижают и бесят. В России талантам делать нечего, закопают и землю притопчут, чтобы следов не осталось, – таково убеждение Володьки. В лучшем случае дадут краски и жратву, чтобы не подох, а потом... Короче, он на это дело посмотрел и послал всех открытым текстом (он парень простой, из глубинки, чего с него взять?). Накопил денег на загранпаспорт, добрые люди – есть еще такие – дали кое-какие адреса, и отвалил пешкарусом в Париж. Добирался как «руссо туристо», с рюкзаком за плечами и гитарой под мышкой, которой добывал на пропитание, горланя русские песни. Добрался!

От своих работ на выставке держался поодаль, но так, чтобы видеть. Они находились в окружении мазни, «выдержанной в цвете»: то оттенки красного ужаса с желтым кошмаром

вперемешку, то сине-зеленая мертвечина. Все эти «новшества» à la примитивизм с изломанными линиями и яйцами вместо голов вызывают блевотину. А в его работах сила, обилие красок, надежда и обреченность одновременно, образное решение, да и рисунком владеет отлично, что в наше время редкость. Конечно, работы Володьки привлекали посетителей. Попадая в зал, прежде всего подходили к его картинам, долго рассматривали, переговаривались и... ОТХОДИЛИ! Ух, Володька ненавидел в тот момент зажавшую публику, этих чванливых снобов, которые, как и в России, делают вид, что шибко грамотные в искусстве. Им нужно ИМЯ! А у Володьки нет имени. «Да, черт вас дери, не рождаются же люди с именем сразу!» – хотелось закричать на всю галерею. Он впал в отчаяние. Ведь ради этого дня столько вынес, стал натуральным аскетом. Домой топать опять пешком и на автостопе? На носу осень. У них, во Франции, тепло, а у нас через неделю в спальном мешке без теплой одежды на голой земле-матушке не заночуешь. И в кармане нет ни одного французского гроша. Ну, ни одного! Совсем.

Не так представлял настоящих ценителей, воображение рисовало иную картину. Пораженные посетители стоят безмолвно со слезами на глазах перед его полотнами. Растет толпа... Кто-то протискивается вперед, кто-то ищет автора, все безумно хотят заполучить его работы. Тут же начинается аукцион. Володька вынужден съездить за тремя картинами, которые забраковали устроители, а теперь готовы с юного

живописца пылинки сдувать... Классно! Этот бред видится каждому художнику, пусть не врут, что прежде всего творчество, а остальное – мишура.

Он давал уже клятву больше никогда в жизни не брать в руки кисти, даже карандаш! Но его отвлек подошедший администратор или бес знает кто, затарабанил на своем французском языке. Находясь во Франции больше трех месяцев, Володька едва усвоил слов сто, пополнял лексикон с трудом, а быструю речь французов вообще не разбирал. Тот самый Влад, один из списка адресатов, полученного в Москве, пропихнувший работы на выставку, очутился рядом и перевел:

– Он поздравляет, купили «Времена года». Это первая проданная картина сегодня.

– Кто купил? – спросил, захлебнувшись счастьем, Володька.

Влад обменялся с администратором несколькими фразами и незаметно для окружающих указал на строгую брюнетку у полотна «Туман», тоже кисти Володьки:

– Видишь женщину в костюме стального цвета с темной отделкой? Она.

– Ух ты! – замер Володька-везунчик. – Вот это мадам! Сколько ей примерно?

– Кто их тут разберет. Думаю, от двадцати пяти до сорока, где-то в этом промежутке. Э, да ты, киндер, зря губешки раскатал. Ее могут интересовать только твои картины, но не ты.

– Посмотрим, – заявил нахально Володька и смело направился к мадам.

О, француженки – это что-то! Времени не было засматриваться на парижанок, но именно так он представлял себе настоящую парижанку. Она должна быть утонченной, элегантной, с безупречным вкусом (о ее вкусе говорит покупка Володькиной работы) и приятная внешне. Лишь на секунду покорила собственная одежда, но на секунду. Вспомнил, что имеет вполне нормальный визаж (лицо по-французски), а под одеждой неплохое тело, без жировых отложений, с крепкими мускулами. Плюс ко всему его выделяет из общей массы неординарность натуры и развитый интеллект, не говоря уже о физических возможностях в интимных делах. Этого вполне достаточно, чтобы запудрить мозги любой мадам. Но как запудривать? Она вряд ли знает хотя бы пару слов по-русски, он тоже не полиглот, каким же образом раскроет свой богатый внутренний мир? Не из простых задачка. Да и с чего решил, что она заинтересуется лично им? Вот дурак!

– Bonsoir, madame, – сказал он на ужасающем французском, став у нее за спиной. А французы страсть как шепетильны, терпеть не могут, когда ИХ ЯЗЫК (!!!) коверкают.

Она обернулась, заинтересованно приподняла бровь. Светло-карие глаза удлиненной формы показались умными, спокойными. Он мог бы много порассказать об обладательнице таких выразительных глаз, но не ей же! Не зная, с че-

го начать, вывалил коктейль из английского, французского и русского:

– J am... peintre... Черт! Я хотел сказать – je suis peintre (Я художник). Yes! Ce sont mes tableaux (Это мои картины). Фу, кажется, вырулил. Вы купили «Времена года»? Ни хрена не понимает... Ну и ладно. Мадам, вы сделали правильный выбор. Эти три картины – лучшее, что здесь есть. Слушайте, мадам, почему бы вам не купить еще две? Через пяток лет за них вы сможете приобрести половину собора Парижской Богоматери... Меня заносит, кажется... К счастью, ты не понимаэ...

Поискав в зале Влада, издали наблюдавшего за ними, сделал знак рукой, мол, топай сюда. Тот отделился от небольшой группы мужчин, поспешил к ним:

– Вовик, ты в рубашке родился. Нет, в шубе. «Туман» и «Девочку» купил вон тот почтенный господин.

– Yes! – воскликнул счастливчик, но тут же осекся, ибо на него оглядывались посетители, строго хмурясь.

– Проблемы? – спросил Влад, глядя почему-то на мадам.

– Понимаешь, я объяснял ей смысл работ, – врал Володька, – но... Она же ни бельмеса... Помогите.

Влад затараторил, оживилась и женщина. Из быстро текущих фраз ухо Володьки уловило лишь собственное имя и фамилию. Она протянула руку:

– Poline.

– Полин... – повторил Володька и, пожав теплую ладонь,

представился: – Владимир.

Внутри негодовал. Какого черта мама не заставляла учить языки?! Почему учителя были недостаточно строгими?! Теперь содержи еще и переводчика!

А Полин говорила вполголоса в низком регистре, Влад объяснил:

– Полин поражена твоими работами. Особенно манерой исполнения. Как тебе удалось передать тепло человеческого тела, притом используя всю цветовую гамму? Это не я спрашиваю, это она интересуется.

– Понял. Тебе вообще углубление в тонкости живописи противопоказано. Видите ли, мадам... – начал важно Володька.

– Не рисуйся, – осадил Влад.

– Тогда скажи: талант и вдохновение.

– Нескромно и банально, – буркнул Влад, но перевел.

Она улыбнулась – не снисходительно, как часто улыбался Влад, – подошла ближе к «Временам» и задала вопрос. Влад перевел:

– Полин спрашивает, не жаль расставаться с картиной?

Володька постарался взглянуть на свое творение абстрагированно, словно не имел к нему никакого отношения.

Группа из четырех женщин – аллегорий времен года – великолепно вписалась в фантастически буйную природу четырех годовых циклов. Обнаженная Весна в нижней части картины лежит на животе. Поднеся к лицу пучок зеленой

травы, она вдыхает запах рыхлой земли после стаявшего снега. Коснувшееся юного тела солнце оживляет девушку, глядящую на зрителей с лукавством и беззаботностью. Она прекрасна, как только может быть прекрасна юность. Рядом с ней присела девушка постарше в выцветшем ситцевом платье, босая, с запутавшимися в волосах цветами – Лето. Она сосредоточенно рассматривает яблоко у ног, в ней умеренность и покой. Пышнотелая Осень первым двум, скорее, годится в матери. Ее Володька изобразил в полный рост рядом с Летом, но над Весной. Эта женщина много работала, много пережила, устала. Она устремлена к Лету, но через плечо бросила беспокойный взгляд на сидящую немного в отдалении старуху в одежде цвета мокрой коры деревьев. Зима безрадостно глядит перед собой с немим вопросом: и это все? Каждую фигуру подчеркнул пейзаж, присущий определенному циклу года. Если небо над головой Лета безоблачно, то над Осенью оно в облаках, которые постепенно сгущались в тучи над Зимой. Мазки удалось уложить аккуратно, так что каждый влился один в другой, но тем не менее просматривается отдельно, отсюда потрясающая экспрессия и никакой слащавости. Удалась работа, нет слов, но все это уже пройденный этап.

– Я могу лучше написать, – уверенно сказал он, выйдя из задумчивости.

Выслушав Влада, Полин смерила художника оценивающим взглядом, затем заговорила медленно, не отрываясь от

картины, с нотами сомнения и грусти в голосе.

– Она думала, что работа написана зрелым человеком, – переводил Влад. – В твоём возрасте невозможно знать тайны и переживания женщин. Мужчины твоего возраста, да и старше, не способны воспринимать чужие тревоги, особенно женские. Они им кажутся надуманными и скучными. Это под силу пожилому человеку и много повидавшему.

– У меня богатый опыт по части женской популяции, – хвастливо заявил Володька.

– Что, так и перевести? – изумился Влад.

– Валяй, не стесняйся.

– Почему талант достаётся кретинам? У нее есть к тебе предложение...

– Согласен на все ее предложения. Где, когда, во сколько?

– Полин приглашает нас поужинать.

– Не знаю, стоит ли ей об этом говорить... – замялся Володька. – Видишь ли, я со вчерашнего дня занимаюсь... э... лечебным голоданием. И ты не понял? Короче, у меня в карманах – ноль, пусто.

– Не беспокойся, наша дама оплатит ужин. Таковы здесь правила: кто приглашает, тот и платит. Согласен?

– Еще бы! Правда, за даму предпочитаю платить я, но раз она так рвется... Да, а как с расчетом? Просто так возьмем и уйдем?

– Ты не в России, – рассмеялся Влад. – Никуда твои деньги не убегут. Я объясню по дороге, что нужно завтра сделать,

впрочем, основную работу выполню сам.

У выхода Влад попросил немного подождать. Находясь совсем близко к Полин, открыто изучавшей его, Володька тоже заинтересовался прежде всего ее своеобразным лицом. А поскольку стоять и молчать как-то неловко, да притом в упор разглядывать, свои впечатления высказывал вслух:

– Полин... По-нашему просто Полина... У тебя золотистые глаза... И зрачки то расширяются, то сужаются... Но это от света. Странно, глаза у тебя какие-то спрятанные. Ты, наверное, не слишком откровенная. Знаешь, я классный физиономист. Правда, все равно попадался в лапы дерьма. Но это не важно. Закажи мне свой портрет, а? Я бы написал один зрачок суженный, а другой расши... Нет, не годится. Может получится хищное выражение, а ты не хищница. Ты, конечно, старше меня, возможно, много старше... Мне нравятся женщины постарше, хотя таких у меня не было. Вообще ты, Полин, ничего, стоишь... У тебя сильные губы... Уф, я даже вспотел.

К счастью, вернулся Влад. И они окунулись в ночной Париж, в бурлящий, кипящий, колдовской Париж, который завораживает и заставляет мечтательно трепетать. И кого только не видел этот город! Века пропустил через себя, выбирая уникамов, которых в его коллекции тысячи. И Володька будет в этой коллекции! Слышишь, Париж? Будет! Только так! Не иначе!

Россия, это же время

Марк ждал. А почему, собственно, решил, что услышит выстрел? Здесь людное место, выстрела можно не услышать, если стрелять через глушитель. Тогда должна быть только боль. Мгновенная, сильная, пронизывающая до мозга. Он ждал боли. Тело напряглось, словно защищаясь от пули, но человек сзади не стрелял. Казалось, прошло много времени, на самом деле всего несколько секунд. Несколько секунд!..

– Ну-ка повернись. – И, не дожидаясь, когда Марк это сделает, человек сзади сам развернул Ставрова резким движением руки.

Наконец Марк увидел того, кого вот уже почти полгода разыскивает и кто методично преследует его, наводя ужас. Кожаная куртка с молниями, кожаные брюки и армейские ботинки – это он, тот самый мотоциклист. Ставров впервые видел его без шлема. Лицо закрыла густая и неопрятная борода, волосы отросли до плеч, а глаза сверкали звериной яростью. Да, это, вне сомнения, он. В руках его не было пистолета, значит, решил убить Марка другим способом.

Тем временем бородач рассматривал Ставрова, слегка подавшись корпусом вперед и вытянув шею.

– Тебе чего, гангстер? – вдруг услышал Ставров спасительные нотки. К ним подбежал Леха и остановился сзади бородача.

«Гангстер» покосился краем глаза на Леху, затем снова уставился на Ставрова и разочарованно протянул:

– Я ошибся. Обознался. Мне чувак бабки должен и делает ноги от меня. А этот похож сильно. Извиняюсь.

Он панибратски хлопнул Ставрова по плечу и отошел к мотоциклу. Потом, бросив на Марка и Леху обиженный взгляд, будто те виноваты, что он не получил долг, снова разочарованно вздохнул и с ревом умчался на мотоцикле.

Марк не сразу понял, что страхи были напрасны. Но они были. После напряжения в ногах появилась слабость, а плечи ссутулились, как от тяжести. Леха догадался:

– Ты принял его за того парня? Слушай, а может, и тот принимает тебя не за того?

– Что с машиной? – не ответил Ставров, чувствуя неловкость, ведь минуту назад он готов был принять смерть, не сопротивляясь, как последний трус.

– В порядке. Едем?

– Я все же зайду, – сказал Марк и, пряча глаза, открыл дверь...

Ставров сидел на высоком стуле у стойки бара, держа в руках рюмку и глядя в нее, словно в злобную черную дыру. Собственно, не рюмка занимала, а дрожащая рука. Руки трясутся у невротиков или алкоголиков. Он не алкаш, значит, железобетонная нервная система получила основательную пробоину. Окружив себя телохранителями, нет уверенности, что доживешь до следующего утра. А желание есть

дожить до глубокой старости, так как в тридцать пять еще бродят в голове иллюзии, жизнь представляется если не в розовом цвете, то хотя бы в пастельных тонах, особенно когда ты кое-чего добился. Однако мрачные коррективы вносятся, помимо желая, все той же жизнью, отчего хочется напиться, только напиться, а потом уснуть без сновидений.

Ставров переключился на зал. Бар соответствовал нынешнему названию «ор». Народу много, непрерывный галдеж перемешивался с гремевшей музыкой, а Марк последнее время предпочитал тихие места. Решив поскорее выпить и убраться восвояси, поднес рюмку ко рту. Неожиданно на него упал человек, коньяк пролился на брюки.

– Извини, друг, поскользнулся, – отступил от Ставрова и прижал ладонь к груди мужчина неопределенного возраста с ярко выраженной внешностью жителя Кавказа, но говорящего по-русски абсолютно без акцента. – Дело поправимо. Эй, бармен! Два по сто коньяка!

– Пошел вон, – вяло бросил Ставров, смахивая с брюк капли.

– Понял, – тот поднял вверх руки, будто сдавался, потом исчез из поля зрения.

Ставров выпил остатки коньяка и полез во внутренний карман пиджака...

За свободным столиком преданный Леха не сводил глаз с босса. У него своя тактика охраны: держаться немного поодаль, чтобы лучше видеть Ставрова и его окружение. Босс

зашарил по карманам, выпятив нижнюю губу вперед. Леха – к нему. Да тут и спрашивать нечего, мол, что случилось? Достаточно недоуменного вида Марка, а недавно расплачивались за бензин. Леха оглядел зал в поисках того, кто выудил портмоне. Ага, кавказец, подхихивавший к стойке и неловко упавший на Ставрова, потягивал коктейль через соломинку, постукивая в такт музыке пальцами по столу и подергивая плечами. А рожа-то довольная! Леха криво ухмыльнулся и сделал знак головой Ставрову, указав на дверь туалета. Убедившись, что Марк понял, где ему ждать, зашел кавказцу с тыла:

– Не дергайся. Дуй в сортир.

Услышав довольно тонкий голос для мужчины, человек безмятежно запрокинул голову, намереваясь послать нахала, и едва не свалился со стула. Над ним навис Илья Муромец. А на спинку стула легли два кулачка размером с кувалду каждый. Тут и прикидывать не стоит, сколько ударов сделает амбал – один. Слабенький. И ангелы подарят крылышки для старта на небеса. Посылать моментально расхотелось. Тимур – так звали кавказца – в замешательстве встал... Нет, это не человек перед ним, а боинг! «Чего ему надо?» – думал Тимур, следуя в туалет. Там их ждал еще один боинг, примостивший зад на батарею. Тут-то Тимур и разволновался, так как догадался, зачем первый боинг привел его ко второму. У, этот второй! Во всей его фигуре читалось: набоб. Это же подтверждала толщина портмоне, покоившегося в кармане

Тимура. А красивое лицо набоба портил взгляд палача. Закончив изучать Тимура, он произнес так же вяло, как недавно произнес «пошел вон»:

– Портмоне.

А отдавать не хочется – жуть! Тимур зыркал по сторонам, ища лазейку, куда можно юркнуть. Первый боинг с тонким голосом сказал добродушно:

– По-хорошему отдай. А то я из твоей кавказской морды сделаю китайскую.

В сортире пусто, тихо, лишь водичка журчала в унитазах. И позвать некого, мол, грабят. Два боинга из стройного Тимура не только китайца способны сделать. Они же амбалы, наверняка тупые. Ведь факт известный: масса тела обратно пропорциональна массе мозга. Как не рассчитают силушку...

Тимур нехотя протянул портмоне боингу на батарее. Тот, не мигая, взял и сидел. А вода журчала. А Тимур трепетал, как осиновый листок. Какая нехорошая пауза! Нервно поправив бабочку, почему-то начавшую давить на кадык, Тимур спросил:

– Бить будете? (В ответ ни звука.) Я же отдал, – переминаясь с ноги на ногу, прохрипел он, голос вдруг пропал. И оправдался: – У меня тяжелое положение.

– А кому сейчас легко? – сказал боинг сзади и гоготнул своим противным тонким голоском, отчего душа Тимура ушла в пятки.

Ставров молча изучал ходячее недоразумение в смокинге и бабочке с отчаянно молящим взором сиротки. Не супермастерством привлек его Тимур – вытащить портмоне из внутреннего кармана на виду у всех может только мастер экстра-класса, – нет. Ставров распознал в сиротских глазах воришки натуру изворотливую, хитрую, ловкую, наделенную недюжинным умом. И эта натура – эгоистичная и трусливая – дорожит своей жизнью, лелеет тело. Да, сиротка – очень любопытный экземпляр и пригодится.

– Один работаешь или вас здесь целая кодла? – спросил устало Ставров, растирая двумя пальцами уголки глаз у переносицы.

– Один. Не люблю ансамблей, – ответ Тимура.

– Так, говоришь, тяжелое положение?

Ставров встал во весь рост, а Тимур, находясь меж двумя боингами, похолодел, ощущая каждой порой шкуры одно: шаг влево, шаг вправо – расстрел. Не приходилось ему пробовать эковских хлебов (к счастью!), но тем не менее...

– Поправить хочешь? – спросил Ставров.

– Что? – не понял Тимур.

– Положение.

Тимур робко пожал плечами, мол, не врубаюсь, об чем треп. Тем временем:

– Держи визитку, завтра в одиннадцать утра.

Ошеломленный Тимур недоверчиво проводил боингов глазами до выхода и – прямиком к писсуару. О счастье! О

радость! Точно: душа находится в мочевом пузыре, пописаешь, и на душе легче становится. Вернувшись в зал, наметил новую жертву – пятидесятилетнего борова с юной девицей, наверняка надумавшей выпотрошить папашу. Почему бы не помочь девочке? И хотя слышал, что после неудачи лучше не пытаться в этот день щипать карманы, вальяжной походочкой направился к борову, он не суеверный.

Ставрову открыл дверцу автомобиля Кеша. Теперь в его машине постоянно находится охранник, подкрепляя собой сигнализацию, которая, по словам специалистов, очень ненадежная вещь. Бомбу под сиденьем занять нет охоты, а такая возможность вполне реальна. Леха сел за руль, включил зажигание и, как обычно, спросил:

– Куда теперь?

– Куда ехали, – вздохнул Ставров. – К тете Алисы, чтобы она пропала.

– А не поздно? – спросил Леха, трогая «Форд» с места. Собственно, вопрос задал формально. Марк, несмотря ни на что, поедет к чертовой тете и получит от ворот поворот, ничего нового не узнав.

Клара – тетя Алисы, крупная женщина, что делало ее старше сорока пяти лет, – как обычно, разговаривала через щепочку, не пуская внутрь квартиры:

– Сама волнуюсь. У меня не появлялась, у тебя вещи не забирала. Куда она могла деться из больницы? Может, ее уж и в живых нет? – захныкала в конце.

– Типун тебе на язык, – сказал Леха, употребив ее же выражение.

– Да хоть три! – взвыла Клара. – Она мне как дочь. А я ей как мать!

– Ладно, пошли, Леха, – нахмурился Ставров, спускаясь по лестнице.

– Ищи Алиску! – вслед кричала Клара. – Ты ее довел, ты и ищи! А то в суд подам!

– Так хочется ласково заехать тете Кларе в глаз, – пошутил Леха, следуя за боссом.

– Как в воду канула, – мрачно сказал Ставров, остановившись у подъезда.

– Слушай, Марк, может, тетя права, ее нет в живых?

– Не думаю. Мы бы знали.

– Считаешь, все же выкрали? Алиса исчезла в конце августа, а сейчас уже конец сентября. Месяц прошел! Они давно должны были сообщить, если предположить, что ее выкрали. (Помолчали. Да и что говорить?) А щипач тебе зачем?

– Понимаешь, Леха, он мне нужен в качестве ищейки. В милицию мы обращались, время бежит, а воз и ныне там.

– Хм! У нас же сейчас есть новые сведения.

– Да, есть, но именно эти сведения меня останавливают. Допустим, выловит их милиция, и что дальше? Посадят? Те сбегут, все начнется сначала. Я до сих пор не представляю, какова их конечная цель, почему меня не убили, зачем им Алиса? Скажу честно, если отловлю этих тварей, прикончу

лично, и рука не дрогнет. Они не оставили выбора, значит, мне с милицией теперь не по пути. Я уверен, Алиса у них.

– Алиса ушла из больницы сама.

– Кто это видел? Почему она не вернулась к Кларе, раз ушла сама? Ей же больше некуда податься. Алиса пропала, от этого факта никуда не денешься. Ее надо искать. Решение я принял окончательное, так что, Леха, заставляй тебя, как говорится, идти на мокрое дело не могу. Ты вправе уйти, не хочу тебя подставлять. Потом вернешься, я возьму, но после того, КАК!..

– Доверишься вору? У тебя все гайки на месте?

– Он негодяй, Леха, а такому все равно, каким делом заниматься, мокрым или сухим, лишь бы бабки кидали. И потом, ему легче разобраться в бандитской психологии, сам из этой среды, а значит, этому сиротке будет проще отыскать мотоциклиста и его подругу.

– Ну, нет, Марк, я с тобой останусь до конца. Привык я к тебе.

– Тогда спасибо. Едем домой, устал я.

И понеслись они по ночному городу, который никогда не настраивал Ставрова на романтический лад, впрочем, его никакой город мира не заставлял лирически вздыхать, а объездил он почти всю Европу. Но этот довольно крупный город, всегда излишне суетливый и серый, где живет подавляющее большинство угрюмых людей, архитектура скупая или громоздкая и где появляется одно желание – уединиться,

этот город вообще не нравился Марку Ставрову. Он смотрел в окно невидящими глазами, смотрел со скукой. Да и что там можно увидеть? То же, что и каждый день: «улица, фонарь, аптека», ну, еще магазины. Ах, да, люди... но они не интересовали Ставрова, впрочем, его давно ничего не интересовало, кроме работы и...

Париж, часом позже

Володька допил вино, поставил стакан на пол и мысленно вновь вернулся к событиям сегодняшнего вечера...

– Я думал, домой к ней едем, а она... – разочарованно протянул он в ресторане.

Ресторанчик махонький, в зале полумрак, столик на троих несколько маловат по нашим меркам, белоснежная скатерть, настольная лампа. Из звуков – только томная музыка и шепчущая в транс певица. Никакой разлюли малины, как в родных кабаках, где можно оглохнуть и повеселиться, глядя на разгул крутых, если, конечно, тебе случайно не набьют морду.

Влад на манер английского лорда картинно отправлял в рот маленькие кусочки. Зато Володька заглатывал еду с быстротой жонглера: на вилку – в рот, запил вином, на вилку – в рот, запил... Влад ехидно заметил:

– У тебя, наш Боттичелли, акулий аппетит.

Есть у него мерзкая манера: оскорблять не оскорбляя. Поначалу просто выводил из себя, но Володька виду не подавал, а потом придумал манеру общения: рубил правду-матку, прикидываясь простачком.

– Ага, – согласился Володька с тем наивным выражением, которое здорово обманывало Влада. – Кстати, бывал я в Лувре, бывал... Кроме импрессионистов, смотреть не на

что. Ну, Джоконда, пожалуй, куда ни шло...

– Что ж, когда тебя туда повесят, будет на что взглянуть, – успокоил Влад с надменной усмешкой.

– Естественно, – ответил с вызовом Володька.

Влад принялся переводить вполголоса их диалог, поглядывая на юного художника, дескать, милая Полин, видали ли вы что-нибудь подобное? Ну, прямо отец родной повествует о шалости сынишки. Она рассмеялась.

– Вот это не надо, – указал пальцем на Полин подвыпивший, а потому без тормозов, Володька. – Не надо снисходительно смеяться. Мне обязательно дожидаться вашей похвалы? А кто вы такие? Судите на основе чужих впечатлений или с позиции: нравится – не нравится. Мне что, надо стать покойником, чтобы богатые козлы дрались из-за моих работ, которых пока ничтожно мало? Нет уж, спасибо. Я хочу при жизни получить причитающееся. На том свете мне ваше признание будет до одного места.

– Ты, пожалуйста, руками не маши, – сдержанно сказал Влад. – А во-вторых, сбавь громкость, на нас смотрят.

– Да чихать я хотел... – но громкость убавил.

– А у вас есть авторитеты в живописи? – спросила Полин при помощи Влада.

– Не авторитеты, – уточнил Володька. – Если ты хочешь создать свой стиль, манеру, способ выражения, авторитеты пошли подальше. Они только с толку сбивают, загоняют в тиски, придуманные ими же правила, то есть догмы, а догма

душит насмерть. Создай свои правила. Есть анатомия – изучи ее, чтобы писать человека. Есть ботаника – разберись и в ней. Есть земля – пойми ее. Все! Остальное дело – в твоём таланте и работоспособности.

– Но кто-нибудь из художников вам близок?

– Конечно! Врубель, Репин...

– «Бурлаки на Волге» или «Не ждали»? – спросил Влад с иронией.

– А что ты имеешь против бурлаков?

– Ничего. Просто не люблю революционной тематики, то бишь пропаганды.

– Там нет революционной тематики. Там есть люди. Но лично меня завораживают не названные тобой работы, а «Иван Грозный». Там сила, страсть, жизнь. А «тематику» определили критики, паразиты на теле творчества. Ведь эти господа ничего не создают, на чужом горбу делают карьеру и еще ломают судьбы талантливым людям. Языком трепать – не кистью махать. Один критик восторгается Рубенсом, другой ругает: много мяса и жира. Обычная вкусовщина, а где истина? Это я для Полин говорю, переводы.

– А еще кто вам нравится? – спросила она.

– Их много. Суриков, Айвазовский, Крамской... Да вы, мадам Полин, наверняка не знаете наших титанов.

– Почему же, слышала, – перевел Влад. – Но это русские художники...

– А разве плохо ценить русскую живопись? – изумился

Володька. – В конце концов, я русский. Это тоже плохо?

– Я не то имела в виду... Ну, а западные классики, современные живописцы?

– Я уже говорил: импрессионисты. Остальные слащавы или, того хуже, – с вывертами. Хватит об искусстве, не люблю пустой треп. Скажи ей, еще хочу. – Володька повертел тарелку в руках. – Мне мало.

Полин поняла без перевода, подозвала официанта, который вытаращил глаза: Володька снимал пуловер.

– Ты что делаешь, идиот? – процедил сквозь зубы Влад и, в свою очередь, закатил глазоньки к потолку.

– Пуловер снимаю, жарко, – удивленно ответил взлохмаченный Володька.

– Это престижный ресторан, здесь так вести себя не принято.

– Мне подошел бы кабак попроще, – пожал плечами Володька и улыбнулся Полин во весь рот. – Интересно, она замужем? Даже если ей сорок, я б ее... приласкал. У меня полгода ни одной не было...

– Перестань смотреть на нее плотоядно, – прошипел Влад. – Ты теперь при деньгах, завтра можешь удовлетворить свою похоть. В Париже существуют целые кварталы красных фонарей.

– Э нет, покупной секс не для меня. Не хочу фальшивки. Мне надо по обоюдному согласию, тогда это кайф. Вот скажи, зачем ей вырез чуть ли не до пупка, а? Смотри, почти

вся грудь наружу... Ой! Я пойду пописаю...

В туалете покатывался со смеху, вспоминая физиономию офранцузенного Влада. Вернувшись, приступил к мясу, мысленно рассуждая, что, в сущности, жизнь – коробка сюрпризов. И что для счастья человеку надо сначала мало – кусок жареного мяса и бокал вина, а потом много – славы и денег. Но Влад умудрился и тут нравоучительно, как классный дам в пансионе благородных мальчиков, сделать замечание:

– Перестань жрать как бегемот. Сделай вид, что ты из цивилизованного мира.

– Ты бы попил водичку денька три...

– Боже, какого черта я с тобой вожусь!

– Ты на мне зарабатываешь, а лишний франк... Что я говорю! У тебя никогда не будет ЛИШНЕГО франка.

– Ты мне надоел. Значит, так. Полин хочет сделать заказ...

– Я так и знал! – воскликнул Володька и подпрыгнул на стуле.

– Заткнись, пожалуйста, и слушай. Завтра она отвезет тебя на виллу...

– Ух ты! Я ей понравился?

– Не за тем, о чем ты подумал. Она хочет, чтобы ты написал для нее несколько картин. Ты хоть понял, как тебе повезло?

– Я гениальный художник, чему ж тут удивляться?

– Ты болван и самонадеянный кретин. Я пошел.

– Куда? – испугался Володька.

– Домой. Ты вызываешь у меня нервный тик. Не забудь прибавить пару процентов с сегодняшнего гонорара.

– За что? – нет предела изумлению Володьки.

– За терпение. И за сегодняшнюю сделку, а точнее, за перевод. Будь любезен рассчитаться, Гоген. – Он чмокнул даме ручку, сделав шаг к выходу, остановился: – И не прикидывайся простачком.

Володька почувствовал даже некоторое облегчение после ухода так называемого агента, в глазах которого застыл немой укор: неблагодарная свинья. Свинья, конечно, Володька. А ведь шокирующее поведение – маленькая месть агенту. Когда обратился за помощью к Владу, тот высокомерно расхохотался: еще один художник в столице художников. Но парень из «расейской глубинки» оказался настойчив и уверен в себе. Влад под его напором решил показать пару работ спецам, те заинтересовались не так чтобы очень, но посоветовали, к кому обратиться и кто в ближайшее время устраивал выставки, открывая сезон. Далее агенту пришлось побегать и немного поработать языком.

Набитый желудок сигналил: хватит, не хочу, но Володька ел впрок, не упускал шанса хорошо поесть. Полин, изредка поднося бокал с вином к губам, наблюдала за ним. Наконец Володька проглотил последний кусок, откинулся на спинку стула с бокалом вина в руке, ощущая сытое блаженство и забавляясь, что он и Полин – две разные планеты.

– Ну-с, Полин... чем займемся? Может, махнем к тебе? Мой чердак не место для прекрасных дам. Так махнем? Посмотри на меня внимательно: я высок, строен, симпатяга, в моем арсенале такой запас энергии, что трудно представить. Едем? Клянусь, не ударю в грязь лицом. Что, слабо переспать с русским гением?

– Я не сплю с первым встречным, пусть даже гением, – сказала Полин на чистейшем русском языке. Наверное, потрясенная физия Володьки доставила ей удовольствие. Она отпила глоток, наслаждаясь произведенным впечатлением, и улыбнулась: – А ты подтвердил, что наедине с собой человек остается хамом. Ведь со мной ты был все равно что один.

– Йоперный балет! – в полном ауте произнес Володька.

– Не смущайся. Ты же свободная личность, а таковая не должна стесняться своих проявлений, – иронично наставляла Полин с превосходством дикой кошки, в лапах которой пичуга. – Было забавно наблюдать за тобой.

– Да, повеселилась... – Он постепенно приходил в себя, но теперь его штурмовала злость: – Это же... Тебе понравилось бы, если б ты сидела на толчке, а кто-то подглядывал бы, смотрел, как ты испражняешься? Очень похоже.

– В тебе много вульгарного, – поморщилась Полин. – Но ты действительно одаренный художник.

– Слушай, ты кто?

– Просто Полина.

– Ага. Просто Полина... Не удивлюсь, если ты еще и ре-

зидент ФСБ.

– О нет, – рассмеялась она, – я обыкновенный человек, без определенных занятий, без талантов и увлечений.

– А от меня тебе что нужно?

– Несколько работ в присущей тебе манере и с твоей фантазией. Ты должен...

– Пока я должен лишь некоторую сумму трем троглодитам, других долгов не знаю.

– Хорошо, я выразилась неудачно, извини. Но ведь ты приехал сюда работать? Я могу дать тебе все необходимое: прекрасное жилье, краски, кисти...

– Понятно. Богатую девушку скука гложет, захотелось богемы вкусить. Только у меня это пройденный этап. Я уже жил на шикарной даче, где меня снабжали всем необходимым, лишь бы писал с утра до ночи. А потом как-то раскрыл западный каталог современной живописи и увидел там свою работу под чужим именем. Думаешь, я за этим пол-Европы прошагал, под небом звездным спал, в дождь прятался где придется, зарабатывал гитарой и горлом, а наш российский брат бил в зубы, требуя проценты? И куда ни ткнишь – везде вы! Наверное, даже среди пигмеев затесались. Дома не давали покоя и здесь стережете. На всех дорогах Европы получишь с любимой Родины привет. Вот народ... популяция бандитов.

– Володя, я не бандитка, присваивать твои работы не собираюсь, – мягко сказала Полин, совсем не обидевшись. –

Разве плохо то, что я предлагаю?

Он впился ей в глаза, пытаясь заглянуть внутрь. Но увидел прямой, открытый взгляд без задней мысли, хотя женщина – порождение ехидны, умеет прикинуться любым оборотнем. Полин спросила, не дождавшись ответа:

– Виза уже заканчивается?

– Откуда знаешь?

– Нетрудно догадаться. Если учесть время, за которое ты мог прошагать пол-Европы, потом заработать на краски... Ты же не тащил на себе картины через всю Европу?

– Не тащил.

– Ну вот. Помножить на время написания работ и проталкивание их, виза должна заканчиваться или уже закончилась.

– Ты проницательная. Закончилась.

– Ну, это дело поправимо. Теперь едем. Ты где живешь?

– На окраине, естественно. Нет, это... это просто йоперный балет!

Сначала ночной город не занимал Володьку, но, честное слово, Париж – средство от стресса. Здесь невозможно долго пребывать в упадническом духе. А если разобраться, кому должно быть стыдно? Полин. Она повела себя нечестно, пусть и переживает. И Володька уже рассматривал события вечера как авантюрный виток в своей жизни.

– Признайся, у тебя был с Владом сговор? – спросил, когда она остановила автомобиль на узкой улочке в районе тру-

щоб.

– Нет. (И он почему-то поверил.) Одновременно с тобой я познакомилась и с ним. Как насчет моего предложения?

– Подумать надо, – набивал цену.

– Завтра в три жди у галереи. Хватит времени управиться с делами?

– Наверное.

– Тогда до завтра, гений, – улыбнулась Полин необыкновенно мягкой улыбкой.

Автомобиль свернул за угол. Володька стоял в наброшенном на плечи пуловере с завязанными рукавами на груди, заложив руки в карманы единственных парадных брюк. Стоял и думал: не приснился ли ему сегодняшней вечер? Нащупав бумажки в кармане, достал, хотел выбросить... Ого! Целое состояние – сто франков! А Полин – мировая мадама. Полин?.. Да, так и будет ее звать, по-французски: Полин. Надо же, денег сунула тихонько. Деньги... Все же есть в них доля счастья, причем доля крупная, если их много. Завтра не придется тащиться через весь город пешком. В ближайшем подвальчике купил дешевое вино (привык не шиковать), поднялся в каморку под крышей, названную им романтически мансардой, и в обожаемом одиночестве выпил вино до дна. Он давно жил предстоящими переменами, теперь вот они, а внутри вдруг образовалась пустота на пару с удовлетворением. И еще немного страшновато. Но совсем немного.

Заснул крепко, не сняв одежды, мечтая, как завоюет Па-

риж, а значит, и весь мир.

Россия, в это же время

Ужинал Ставров в компании Лехи. Здоровенный детина тридцати лет стал не просто телохранителем, но и единственным другом, а то и нянькой.

Пару лет назад Леха случайно очутился в нужном месте и в нужное время, спас Ставрову жизнь. Они не были знакомы, а ситуация оказалась тривиальная. Зашел Марк в кабак выпить рюмочку и послал приставучих фанов какого-то футбольного клуба. Те, наверняка под кайфом, дождались его и напали вчетвером на улице. Начали бить. Поскольку аппетит, как водится, приходит во время еды, парни разгорячились, двое достали перья. Леха проходил мимо, встрял в драку и раскидал парней. А Ставров тогда сделал вывод, что в наше прекрасное и свободное время телохранитель необходим, как воздух. Леха – бывший боксер – на предложение Марка занять место охранника откликнулся с радостью, потому что не имел на тот период работы. Но отношения работодатель – работник переросли в нечто большее.

Не каждый человек легко сходится с людьми, вот и Марк был из этого разряда. Нельзя сказать, что он необщительный, заносчивый, грубый, напротив, Ставров человек воспитанный, образованный и внешне привлекательный, а дружеские отношения с людьми не завязывались. На одном из банкетов местная певица, исполняющая классические произведе-

ния, – пикантная, как сыр пармезан, – назвала его «человеком с отрицательным обаянием». Ставров не понял, как обаяние может быть отрицательным, но выяснять смысл глупого высказывания не стал. Он терпеть не мог взбалмошных и шумных артистов, глубокомысленных музыкантов, эксцентричных художников, вообще избегал общества людей, а представителей богемы тем более. Когда у него униженно клянчили деньги на благотворительные акции в пользу издыхающего искусства, которым, в понимании Марка, здесь даже не пахло, давал лишь затем, чтобы отстали. Ставров был одинок, как луна на небосклоне. Подобный образ жизни его не тяготил, потому что люди умудряются раздражать бессмысленными разговорами, да и знакомство с ним считают выгодным, а ему хотелось бы других отношений. Но последний месяц он не выносил одиночества, потому что все в мире меняется, изменился и Ставров. Единственный, кто тонко почувствовал его натуру, – Леха. Он постоянно рядом, но незаметный. Теперь только по необходимости Марк посещал банкеты, концерты, конференции и скучал на них до смерти. Все свое время, и свободное тоже, отдавал работе. Отдавал до недавнего времени.

Шестидесятипятилетняя тетка Сима, полненькая и подвижная, третья по счету и последняя, кому Марк доверял, как обычно, приготовила на роту. Странно, наряду с «как обычно» происходят необычные события. Около полугода уже Марк находился в том состоянии, когда каждый прожи-

тый час мог оказаться последним. Это сильно изнуряет.

– Все, все, тетка, я пас, – поднял руки Леха, а он любитель поесть.

– Тогда кисель или взвар? – не унималась Сима.

– Старая, – с легким упреком произнес Ставров, – если бы я тебя не знал, то подумал бы, что ты диверсантка и решила нас уморить едой. Отстань.

Ставров встал из-за стола и поплелся наверх, в свою комнату.

– Не подходи к окну, Марк, – напомнил Леха.

– Спасибо, я забываю... – проговорил Ставров, не оборачиваясь.

И правда, он забывает, что заимел неизвестного врага, который не дремлет, преследует по непонятным причинам, но почему-то не доводит дело до конца.

Очутившись в своей комнате, Марк открыл окно, постоял несколько мгновений и вдруг вспомнил, о чем Леха предупредил минуту назад. Он тут же отошел от окна, выключил свет и лег на кровать, не раздеваясь. Кому-то может показаться, что он ищет смерти. Нет, у человека, у нормального человека, живет непреодолимая тяга к жизни, у Марка тоже. Он, действительно, забывает, что там, за окном, возможно, притаилась смерть с пистолетом в руке. Просто забывает, а надо помнить.

Россия, утро следующего дня (21 сентября)

Не собирался к боингу, ну его к чертовой матери! Так решил Тимур вечером. Но в десять утра любопытство погнало судьбе навстречу. Очутившись в кабинете Ставрова, он не удержался и присвистнул с уважением. Кабинетик большой, ну очень большой. Мебель отпадная. Сзади кто-то кашлянул, Тимур оглянулся. У стены в огромном кресле, обтянутом кожей, утонул боинг с голоском педика, листал журнал и поглядывал исподлобья на Тимура. Скупо поздоровавшись, Ставров предложил Тимуру присесть в кресло напротив у черного стола, сразу предупредив:

– Только не ври, это в твоих интересах. Рассказывай биографию.

Выложил, как на духу, основные вехи. И так. Бывший танцовщик и фарцовщик, бывший маклер и крупье, бывший дилер знаменитой косметической фирмы, одновременно чистил квартиры постоянных клиентов, последнее время щипач в дорогих клубах и барах. К жителям Кавказа отношения не имеет, так, дедушка армянин затесался, а вообще-то он русский... по паспорту. Все.

– Бьют не по паспорту, а по роже, – и боинг в кресле у стены рассмеялся собственной шутке, у которой борода выросла до Колымы.

– Не очень-то внушает доверие биография, но рискну, – сказал Ставров. – Будешь работать у меня?

Тимур поскущел. Работа? От которой конидохнут? Пахать от звонка до звонка? Он, Тимур, личность многоплановая, с авантюрным складом, то есть романтик. А какая романтика в слове «работа»? Но из вежливости поинтересовался:

– Что за работа?

– Секретаря.

– В приемной я видел секретаршу...

– То секретарь-референт, а ты будешь секретарь по личным вопросам. Понял?

Тимур утвердительно кивнул, однако ни фиги не понял. Но в Ставрове было нечто удавистое, так и потянуло к нему в пасть. Вдруг пасть открылась и произнесла сумму гонорара... Тимур с готовностью выпалил:

– Рискну.

– Рискую я, – уточнил Ставров. – Учти, в случае...

– Понял, понял, – поднял вверх руки Тимур.

– Мне не нравится, когда меня перебивают, – лениво выговорил Ставров. – Ты с Лехой знаком? Так вот, вздумаешь проделывать штучки-дрючки, он из тебя сделает...

– Знаю, китайца, – снова перебил Тимур и хихикнул.

– Нет, пластырь, – подал голос Леха, – от асфальта не отдерут.

Ставров уткнулся в бумаги, давая понять, что аудиен-

ция закончена. Тимур, взявшись за ручку двери, вдруг спохватился, вернулся и положил перед Ставровым авторучку «Паркер» с золотым пером, перекочевавшую со стола в его карман:

– Извини, я нечаянно. Болезнь у меня такая, kleптомания называется.

– Я тебя вылечу, – обнял его по-дружески Леха и повел новоиспеченного секретаря в другой кабинет оформляться на работу.

Тимур, заполняя бланки, больше поглядывал на Леху, который бил ребром ладони о дверной косяк с тупым упорством.

– Таран, – вырвалось у Тимура.

Ну, блин, точно: Леха один к одному бревно, которым только ворота пробивать в неприступной крепости. А еще занимало Тимура, почему Ставров решил взять его к себе, чем он ему приглянулся? Неужто мастерством? Тогда эта фирма специализируется на мошенничестве, а Тимуров вовсе не улыбается перспектива стать сообщником крупной банды. Но гонорар перевесил сомнения, и потом в случае опасности Тимур найдет способ смыться.

Париж, вторая половина ЭТОГО ЖЕ ДНЯ

Он, конечно, не надеялся, что получит гонорар без проводочек, безумных справок с мест жительства и работы, учебы и леший знает еще откуда. Оказалось, у них тут бюрократия сведена до минимума. Володька расплатился с теми, кому должен, перекусил в бистро и прохаживался у галереи в ожидании Полин. Изредка ощупывал наличку в кармане, не веря собственному счастью: можно жить не тужить и писать, писать...

Далеко вперед не заглядывал, довольствуясь сегодняшним днем. А зачем проектировать будущее? Ведь по расписанию оно не сложится. Дома, в России, расчетливые планы сверстников приводили в уныние, на деле же терпели фиаско. Девчонки планировали захомутать богатого старичка (где столько богатеев найти?) и согласны были выполнить любые фантазии старого уroda с торчащими из носа волосами и жирным брюхом, попутно отрываясь с Володькой. Имеющие более скромную внешность впадали в умствование, из кожи вон лезли, показывая эрудицию и фехтуя словесами. А цель одна: заинтересовать парней и наконец отведать греха. Третья категория девчонок – всем давалки, эти быстро слетали с дистанции, конченные. Есть еще четвертая категория – ни то ни се. Может, и встречаются нормальные, да, види-

мо, ходят они с Володькой по разным дорожкам, не попадают друг другу на глаза. Он охладел к девчонкам, видел в каждой потенциально расчетливую, глупую обезьянку, с которой можно только пару раз перепихнуться, а на большее она не годится. С ребятами было проще. Но их цинизм, бессмысленная жестокость, проявляемая вдруг ни с того ни с сего, тоже оказались ему чужды.

Володька далеко не ангел, мог пить дня три запоем, потом проснуться сразу с двумя девушками на одной койке (это во времена-то СПИДа!) и ни хрена не помнить; мог нахамить кому угодно и где угодно, отстаивая свое «я», пробовал наркотики, участвовал в дебошах... Нет, на святого не смахивает ни с какого бока. Откушал от всех сладких и горьких пирогов. Но отметелить группой прохожего или зажать в темном углу тетку, наслаждаясь ее страхом, и тому подобные шутки – отказывался делать, претило.

Однажды дошло: стремление походить на окружающих, желание не выделяться из общей массы присуще лишь животным в стаде. Постарался взглянуть на сверстников как посторонний и ужаснулся: на что тратится жизнь! Сплошные поиски острых ощущений, под «косячок» умные рассуждения о планах, которые должен выполнить кто-то другой, и полный раздрызг внутри. Володька посетовал на упущенное время, забаррикадировался книгами, читал запоем, делал наброски углем и карандашом, писал маслом, короче, нырнул в творчество и самообразование. Одновременно по-

знакомился и подружился с людьми от тридцати до сорока пяти лет. От них узнал много нового, начиная с правил общения, и понял выражение «здоровое поколение». Держались они с ним на равных, не подчеркивали возрастное и социальное превосходство, с их помощью понял процессы в обществе, вообще почерпнул многое. Один доцент кафедры философии, принципиально не берущий взятки, часто говорил:

– Нас превращают в дерьмо. Мы живем в дерьме, едим дерьмо, над нами чиновники дерьмо, и нас заставляют признать, что мы дерьмо. В таком случае я буду высококачественным дерьмом с понятиями чести и достоинства.

Поначалу Володька думал, что все люди среднего возраста такие, оказалось – нет в мире черного и белого, есть еще и оттенки, зачастую не радужные. Тем не менее, не читая нравоучений и моралей, именно старшее поколение внушило веру в себя, избавило от детского максимализма. Поразмыслив, Володька уехал в Москву покорять Олимп живописи. Москва, Москва... Как много в этом слове! И приехал. Москва его не ждала, ей чихать на Володек. Правда, кое-кто проявил эдакую ленивую заинтересованность к работам юного художника без специального образования в высшем учебном заведении. Позже догадался, чего стоила «ленивая заинтересованность», когда в каталоге узрел собственную работу под чужой фамилией. Не желая быть рабом, свалил с той шикарной дачи, намереваясь заработать и махнуть в Па-

риж. Ага, не тут-то было! Обокрал дачу! Утащил антиквариат: старинную китайскую вазу (ну, была там ваза из фаянса с росписью под китайский фарфор), шкатулка пропала из нефрита и пачка баксов. Каково, а? Володька негодовал. Но его сокрыл у себя семидесятилетний потомственный интеллигент.

– Было, такое уже проходили, – сказал он расстроенному и, честно говоря, напуганному Володьке, – сажали ни за что. Попробуем тебя, юноша, отбить. У, гиены! Расплодились на русской земле! Ничего, ничего, всему приходит конец. И сатанинскому разгулу тоже придет конец! – грозил он, сотрясая воздух кулаками.

Жизнь прекрасна, когда осознаешь, что в Содоме и Гоморре находятся бескорыстные, порядочные люди, что они все же есть, и почитай за счастье, когда такие встречаются на пути. Старик с помощью приятелей уладил историю с «кражей», а проще – откупился. Делец, владеющий дачей, потребовал возместить убытки. Старик отдал ему серебряную статуэтку восточной работы, инкрустированную самоцветами. Вещь очень ценная, Володька за голову схватился:

– Зачем отдали? Мою вину доказать еще надо. Ну, поси- дел бы я недельку-другую... Мне теперь никогда с вами не расплатиться.

– Ты, юноша, не болтай чепухи, – ворчал старик. – Они докажут все что угодно, время сейчас такое: балом правят негодяи. Из царских тюрем выходили революционеры, а из на-

ших выходят бандюги, если вообще люди твоего склада способны там выжить. Не переживай. Твоя жизнь ценнее серебряной безделушки, без которой я могу обойтись. Мое счастье, что о ней никто из новой породы не узнал – убили бы. Да пусть подавится! Зато у нас его заявление и расписочка есть! Мы же хитрые, дашь на дашь: ты нам заявление из милиции и расписочку в получении статуэтки за вышеназванное заявление, а мы тебе...

– И он написал расписку?! – поразился Володька.

– Э, Володя, ты не знаешь, каких размеров бывает жадность. Ты же не крал его барахла, оно у него дома, а тут за так можно хапнуть ювелирное изделие немалой стоимости. Жадность и зависть... На этом человечество далеко не уедет. – Володька растрогался до слез, чем привел старика в ярость. – Не распускать нюни! Ты мужчина, будь добр, соответствуй слову! Может, не я тебе помог, а ты мне. Может, я свои грехи за твой счет отмаливаю. Э, ты слишком молод, чтобы понять!..

Это случилось год назад, а весной Володька отчалил в Париж.

– С тобой что-то не так? – спросила Полин, всю дорогу не проронившая ни слова, лишь искоса наблюдая за ним. – Вчера ты не был похож на памятник самому себе.

– Вчера я говорил с женщиной, не знающей моего языка, сегодня... У людей, говорящих на одном языке, больше

шансов не понять друг друга.

– О, у нас философский склад ума...

– Не разговаривай со мной тоном мамочки, – вяло бросил Володька.

– Хорошо, не буду.

Ветер путался в волосах, сильные порывы сбивали дыхание. Володька ощущал восторг в себе, вызванный быстрой ездой, свободой и окружающей гармонией.

– Знаешь, каждый город, – заговорил он, – страна, любое место на земле имеет свой запах. Если меня с закрытыми глазами перевезти туда, где я был однажды и жил некоторое время, я определил бы по запаху, где нахожусь. Особенно утром и вечером. Днем запах улетучивается, наверное, смешивается с суетой людей.

– Да? – удивилась Полин. – Ну и чем пахнет Париж?

– Парижем, – недоуменно пожал плечами Володька, ведь он говорил о вполне осязаемых вещах. – Понимаешь, это объяснить нельзя... Я попробую написать.

– А стихи пишешь?

– Спрашиваешь! Пишу и стихи, но тебе они не понравятся.

– ?

– Потому что эмоции я оставляю краскам. Эмоцию на холсте выразить значительно сложнее, чем одеть словами. Стихи – это поток сознания, как в снах, это прежде всего метафора, смысл которой растормозить воображение. Тогда это

стихи. Но так писать не каждому дано. Кстати, заметь: пишут стихи и пишут картины. А? Одно дополняет другое.

– Пожалуй... Мы приехали. Вот моя вилла.

Двухэтажный домик стоял слегка на отшибе от других домов, на окраине очень маленького городка. Место скромное, за домом мини-сад, перед парадным клумба, вокруг дорожки, обложенные «диким» камнем. В общем, мечта пенсионера. В доме пахло недавним ремонтом, и внутри дом показался больше, чем снаружи. Приличных размеров гостиная – хорошо освещена, целых шесть окон. Мебели мало, что придавало простор, выполнена под старину или старинной и была. А вот голые стены действительно выглядели паршиво.

– Хорошая, скажу, избушка, – одобрил Володька. – Извини за нескромный вопрос, но страсть как хочется знать... Откуда у тебя деньги?

– Муж накрал, – сказала Полин, словно это самое простое дело: накрасть столько, что и на избушку хватает, и на жизнь во Франции, далеко не дешевой стране, и на заказы картин в избушку.

– А ты тратишь? – с сочувствием к мужу спросил Володька. (Она кивнула, мол, да, трачу.) – И он в восторге?

– Его убили в России. Расстреляли из автоматов машину.

Володька недоуменно опустил углы рта вниз и поднял плечи до ушей, дескать, не понял: у мадам Полин жестокосердное отношение к мужу, обеспечившему ее шикарнейшей житухой? Ну, ни грамма жалости к убиенному. Да, совре-

менных женщин отличает патологическая неблагодарность!

А Полин медленно обходила гостиную. Он спросил:

– Почему ты выбрала меня?

– У тебя картины живые, это сейчас редкость. Вот для этой гостиной нужно написать несколько картин на библейские сюжеты. («Она к тому же и религиозная фанатка!» – подумал Володька.) Скажем, Саломея, Магдалина, Юдифь... Шесть картин. Седьмая будет «Времена года», ее место я определила над камином. Только ты должен увидеть этих героинь по-своему, не так, как их изображают традиционно.

– Но «Времена» – не библейская тематика.

– Ошибаешься. «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки». Цитата из Екклесиаста. Картины должны напоминать...

Полин замолчала, глядя на стены. Володька подошел к ней вплотную и стал смотреть на нее, как врач-психиатр смотрит на безнадежно больного.

– Напоминать о чем? – напомнил он о себе.

Полин повернулась к нему лицом, очнулась. Ответила:

– О ненависти, отчаянии, надежде... о том, что наполняет жизнь.

– Почему одни женщины? Ты, если не ошибаюсь, одинокая, может, приятнее иной раз взглянуть и на мужчину? Или ты ярая феминистка?

– Зачем ты хочешь казаться пошлым?

Точно, есть такой факт. Жизнь научила не распахивать

душу настезь.

– Почему одни женщины? – сделал вид, что не расслышал.

– Они дают жизнь, в них заложено созидание... и в то же время разрушение. Убить не просто, особенно женщине. Но случается, она вынуждена избавляться... Страшно. Ты согласен работать?

– Да, – дан твердый ответ.

– Составь список, что нужно для работы. Завтра ты пере-
едешь сюда.

– Для начала мне нужна Библия, почитаем – разберемся.
А ты где будешь жить?

– Иногда здесь, если, конечно, не помешаю.

– Наоборот, ты меня вдохновляешь.

Володька признался себе, что сказал правду этой странной женщине, которая неизвестно откуда взялась и представляла собой загадку, если употреблять банальные выражения. Нет, он вовсе не рассчитывал стать «разгадывателем» Полин, просто в тот момент ее почему-то стало жаль. Он почувствовал в ней надлом, хрупкость не только внешнюю, но и внутри.

Обратную дорогу теперь он тайком наблюдал за Полин и пытался угадать, как она поступает в тех или иных ситуациях, придуманных им же. Странно, но Полин не укладывалась в обычные представления. Времени было достаточно разглядеть и оценить ее: красивая, независимая (независимость не выпячивает), умная и... счастлива. Парадокс, но

наряду с надломом и едва уловимой печалью Полин счастлива. Последнее определение запутало Володьку, а дискомфорт под черепом русский гений не переносит, поэтому переключился на ветер, пейзаж за окном и сумерки.

Россия, полмесяца спустя (5 октября)

Солнце просачивалось в кабинет сквозь жалюзи, а пылинки, обычно не видимые глазу, подмигивали Ставрову. Он был один. Щурился, глядя на микроскопические точки в световых полосах, а напряженная фигура застыла в кресле. Напряжение теперь было всегдашним состоянием Ставрова. С начала мая по нынешний день он находится в том положении, когда стоишь у края пропасти и точно знаешь, что тебя толкнут вниз, но неизвестно, когда. Он пережил панику, животный ужас, отчаяние, а последнее время сюда примешалась апатия. Марк Ставров чувствовал себя неудачником и банкротом. Да нет, не в том смысле, что обнищал материально, с этим делом полный порядок, а внутри пусто и зябко.

Вошел Леха:

– Босс, Тимур залетел. Звонил и слезно просил помочь.

Ставров некоторое время смотрел на телохранителя, будто сообщение прошло мимо ушей, потом тяжело поднялся:

– Где он?

– В милиции сиротка, вчера взяли с поличным. А я предупреждал...

– Ладно, – отмахнулся Марк, набросил кожаный плащ, проверил карманы.

– Да пусть летит в тюрягу, клептоман паршивый, ему там место. Терпеть не могу всякое жулье, ворье, гнилье.

Тимур неудачно выудил кошелек из дамской сумочки. Вернее, выудил-то удачно, но поторопился, зацепился запонкой за цепочку сумки, потянул. Дамочка – глядь, а кошелек у неизвестного, подняла крик, Тимур заломили ручонки. В общем, провалился бездарно, как начинающий. Проведя ночьку в обезьяннике, решил, что казенный дом с жестким спальным местом и контингент клиентов не подходят аристократу от воров. Каких трудов стоило добиться, чтобы позвонить Ставрову! Попал на Леху, тот не упустил возможности покуражиться над несчастьем. Вот не терпит Тимура, а за что?

Ставров переговорил с начальником отдела, Тимур дал подписку о невыезде с громким раскаянием вслух, что подверглось насмешкам со стороны Лехи, и вышел на волю. На пороге отделения милиции схватил Ставрова за руку, с чувством затряс:

– Босс, прими мои искренние...

– ...соболезнования, – толкнул его в спину Леха. – Дуй, сиротка, в машину.

Вечерело. Ехали молча по улице, где меньше машин. Тимур на заднем сиденье ерзал, пребывая в думах о предстоящей взбучке и поглядывая с тоской на второго телохранителя рядом – Кешу. Леха рулил, а впереди Ставров смотрел в боковое окно. Неожиданно он глухо произнес:

– Леха, вот он!

Тот скосил глаза в сторону Ставрова.

– Спокойно, босс. Ты уверен? – спросил, не разжимая губ.

– Да, это он, – сказал Марк, замороженно глядя в окно. Рядом с автомобилем со стороны Ставрова ехал мотоциклист в закрытом шлеме. Тимур тоже обратил на него внимание, потому что держался тот очень близко, не обгоняя и не отставая, изредка поворачивал голову в шлеме на Ставрова.

– Проблемы? – ожил второй телохранитель.

– Вроде да, – отозвался Леха.

Он крутанул руль и ударил боком мотоциклиста, но тот удержался на колесах, прибавил газа и вырвался вперед. Сзади завизжали тормоза, видимо, своим маневром Леха помешал кому-то обогнать их. Мотоциклист оглянулся, поднял руку, мол, сворачиваю, и, красиво выполнив поворот, скрылся за углом.

– Дразнит нас, – усмехнулся Леха. – Гаденыш. Готовься, Кеша.

Кеша вынул пистолет, держа у коленей, снял с предохранителя...

– Вы что?! – вжался в сиденье Тимур. – Стрелять будете? Мы так не договаривались! Я не мокрушник! Остановите, я выйду... тут свидетелей полно!

– Закрой клюв! – шикнул Леха. – Марк, пристегнись.

– Его надо сбить, – угрюмо сказал Ставров. – Он мне нужен живым.

– Погоди, босс, не здесь, выберем тихое местечко. – Леха свернул в переулок за мотоциклистом. – Кеша, стрелять бу-

десь по моей команде в колесо. Готов?

– Всегда готов, – пробормотал тот, придвигаясь к окну.

– Не надо, Таран! – взвыл Тимур прямо в ухо Лехе, схватившись за сиденье водителя. – Пришьют групповщину, срок впаяют...

Леха Таран, не глядя, слегка ткнул кулаком в лик Тимура, сиротка упал на сиденье и отключился. Тем временем мотоциклист притормозил – впереди образовалась пробка из нескольких автомобилей. Кеша, пряча ствол, скороговоркой выпалил:

– Подгони ближе, так возьмем. Пулю на него еще тратить.

Он приоткрыл дверцу, приготовившись прыгнуть на дорогу, но мотоциклист, обернувшись и оценив ситуацию, выехал на пешеходный тротуар, лавируя между людьми, объехал затор и скрылся.

– А он пасет тебя, Марк, – сказал Кеша.

– Где я? – простонал Тимур, очнувшись и потирая распухший нос.

– На нарах, – огрызнулся Леха, вырulingивая из переулка. – Не заткнешься, на больничной койке очутишься.

Тимур дал себе слово не злить Леху, а то и впрямь кости переломает. Он забился в угол, с тревогой перебирая в памяти известные преступные группировки города и вычисляя, в какую из них угодила. А не зря первое впечатление от Ставрова было: палач. Как он это просто сказал: «Его надо сбить. Он мне нужен живым». Вывод: когда будет не нужен, пришьет

мотоциклиста, а возможно, и Тимура. Поганая компашка.

Прибыли в офис, к кабинету вели Тимура ну прям как под конвоем: Ставров впереди, Леха и Кеша сзади. Марк расположился за столом, в креслах развалились охранники, а Тимуру предоставили стоячее место посреди кабинета. Поскольку он не выносил театральных пауз, нервно хрустя пальцами, подал голос первый:

– Босс, извини за беспокойство. Натура подкузьмила.

– У тебя есть два выхода, – устало вымолвил Ставров. Еще при первой встрече Тимур составил о нем мнение как о флегматике, эдакий большой-большой флегматик, не способный ни радоваться, ни огорчаться. Мнение не изменилось, но сегодня добавился безотчетный страх перед ним. – Первый: на тебя заводится уголовное дело по факту кражи, и тебя годик-два содержит государство. Второй: я прекращаю дело. Что выбираем?

Тут извилины Тимура подытожили: это Ставров его накрыл, приставил человека, который его пас, вот и попался. Раньше ведь не попадался. А как человека сделать ручным? Элементарно – взять с поличным. Ясно, что Марк птица крупная и хищная, слинять просто так не позволит. Вот свободный полет и закончился, предстоит вступить в стаю и выполнять повеления вожака. Тимур с готовностью сказал, ибо другого выхода не было:

– Второй вариант. Что я должен делать?

– Так-то лучше, – усмехнулся Ставров. – Ты должен найти

мотоциклиста.

– А кто он?

– Когда бы мы его знали, ты бы не понадобился, – бросил из кресла Леха. – Учти, не найдешь – сядешь. Это я тебе обещаю.

Тимур стух. Справиться с таким делом ему вряд ли по силам. Присев на краешек стула напротив Ставрова, с несвойственной честностью признался:

– Понимаешь, ты предлагаешь сделать то, чего я не умею. Я не мент, меня не обучали премудростям сыска. Я проходил совсем другую школу. Даже не представляю, с чего начинать, как и где искать этого мотоциклиста.

– У него есть сообщница. Нужно отыскать обоих. Подумай и действуй. – Ставров был неумолим.

– И без трюкачества, – добавил Леха. – Не вздумай смыться. Я все равно тебя отыщу, и ты станешь пластырем, сиротка.

Сиротка метнул в него испепеляющий взгляд, а тот еще и кивнул, мол, помни обо мне. Тимур безнадежно вздохнул:

– Не могу гарантировать, что у меня получится. Но буду стараться, потому что не хочу на нарах париться, – бросил в сторону Лехи. – Тогда и ты, шеф, будь откровенным. Понимаешь, я сделаю все возможное, но мне надо знать то, что знаешь ты. До мелочей.

Ставров потупился, память перенесла его в первые дни мая...

Погода тогда была дрянь. «Дворники» с натугой разгребали воду на лобовом стекле, а Марк Ставров, подъезжая к особняку, с неудовольствием вспомнил, что не прихватил зонт. Майский вечер – светлый, а темно стало, как ночью. Высунув руку с дистанционным управлением в окно, Марк открыл ворота. «Ну и потоп!» – подумал, вытирая кисть руки платком, а рукав пиджака промок почти насквозь. Марк не свернул к гаражу, а поехал к дому по дороге, которая освещалась с двух сторон фонарями. Тетка Сима не забыла перевести фонари в умеренный режим, они словно висели в воздухе сами по себе, а свет от них не достигал земли. Ставров захлопнул дверцу машины и запрыгнул под навес на террасу. Стряхнув воду с пиджака, достал ключи... И вдруг **ВЫСТРЕЛ!!!**

...Ставров дернулся, как от испуга, поднял ничего не выражающие глаза на Тимура, встал:

– На сегодня все.

Леха и Кеша привезли Тимура в особняк, где Сима окружила заботой всех четверых. Поужинали. Ставров поднялся к себе, снял одежду и лег. Сон не приходил, несмотря на вековую усталость. Бессонница – проблема многих людей – для Марка стала ночной подругой. Часто он засыпал под утро, когда уже брезжил рассвет. А до того – мысли, услужливая память и ночные шорохи... Что же рассказать Тимуру? То,

как он замирает от страха вне стен дома или офиса? Как стискивают грудь нелепые предчувствия? Как, потеряв Алису, sentimentально вздыхает, глядя на луну? Об этом лучше промолчать. Да и что он сам знает? Только то, что все изменилось во всех отношениях и что каждый день возвращается в начало мая, в ливень...

Приветы из ада

Полгода назад, или 4 мая, вечер

...Шум ливня разорвал выстрел!

В Ставрове замерла жизнь. Этот звук спутать невозможно, ахнул совсем рядом, в нескольких шагах от Марка. Пуля пролетела мимо и врезалась в двухметровую дубовую дверь. Стрелявший промазал.

Ставров не шевелился, не сообразил упасть на мраморные плиты, спрятаться за колонной. Он вообще перестал соображать. Только где-то в подсознании тревожно жужжало предупреждение: будет второй выстрел, второй раз не промажет.

Прошло несколько секунд, возможно, минута, а выстрела не было.

Ставров опасливо повернул голову, изучая темноту, занавешенную стеной дождя. За дверью послышался тревожный голос тетки Симы:

– Марк, ты?

– Я, – выдавил он, не спуская глаз с завесы дождя.

От звука щелкнувших замков толкнулось сердце. Дверь

приоткрылась, и Сима высунула голову в щель:

– Что тут бахнуло?

– Выхлопная труба... А это что?

На полу меж ними белел конверт. Длинный и плоский. В поле зрения попало пятно на фартуке Симы. Да, несмотря на потрясение, Марк обращал внимание почему-то на мелочи. Что конверт именно длинный и плоский, словно пустой, еще он ослепительно белый; что у Симы на лбу очки, которые держались на голове при помощи резинки; что одна паркетная планка у самого порога отделилась от пола и скоро о нее все будут спотыкаться... Разве это существенно – очки, планка, пятно? В него стреляли. Это важно.

Сима подняла конверт, рассматривая его с обеих сторон, а он так и не поторопился укрыться в доме. Затем она растерянно взглянула на Ставрова:

– Без надписи. Что ж ты стоишь? Иди в дом, Марк.

С трудом переставляя свинцовые ноги, вошел и остановился, не зная, что делать. А второго выстрела так и не последовало! Почему? Следом пронзила мысль: его хотели убить! Кто? За что? Ответ, очевидно, у Симы в руке. Ответ в конверте. Ставров выхватил конверт, поспеишно вскрыл...

«ПРИВЕТ ИЗ АДА», – было написано на белом листе крупными буквами. Три слова. Больше ничего.

Марк повалился в кресло, прикрыл веки... «Привет из ада», – мысленно повторял, не понимая смысла. Какое-то

идиотское послание, напыщенное, мелодраматичное и глупое. А выстрел прозвучал реально, угрожающе, и стреляли с близкого расстояния. Почему промахнулись? Почему не повторили попытку?

Очнулся, когда Сима набросила ему на голову полотенце, вытирая волосы, ворчала:

– Вот льет... ну и льет...

– Оставь, старая, – отстранил ее.

– Я пельменей налепила. Сейчас халат принесу. Выпьешь?

– Н-нет... – неуверенно сказал, действительно, не зная, что в данный момент ему нужно. Но что-то нужно.

– И правильно, – говорила Сима, поднимаясь по широкой лестнице, – без выпивки поужинаешь. Раненько ты сегодня. Хоть отдохнешь, а то работа да работа...

Второго выстрела не прозвучало, он жив. Ставров догадался, почему: у того, кто стрелял, не было намерения его убить. Пока не было. Но ведь зачем-то стреляли! Какую цель преследовали?

Сима принесла халат.

– Чего бегала? – проворчал, забрав халат. – Я сам с ногами.

– Да как же, устал ведь... Ты куда на ночь глядя?

– Так... проедусь... – отмахнулся Ставров, шагая к выходу.

– Дождь же... а у меня пельмени... ты ведь любишь...

– Потом, Сима, потом. Запрись и... не жди меня.

Ставров вышел на террасу. Он не мог оставаться в этом доме наедине с гнетущими мыслями, но и не ответил бы, зачем шел туда, где прогремел выстрел. Действовал безотчетно, повинувшись единственному желанию – убраться отсюда.

Площадка под навесом... Задержался, поднимая воротник пиджака...

Затем пять мраморных ступенек, на которых подпрыгивала вода, пузырилась...

Несколько секунд у машины... А он испытывал судьбу – плохой признак для тридцатипятилетнего человека.

Взревел мотор. Сима бежала с зонтом, но он не стал останавливаться из-за такого пустяка, как зонт. Все, оказывается, пустяк. Не пустяк выстрел. Выехал со двора и помчался вперед, где свет фар тонул в ровных струях дождя, плохо освещая дорогу.

Второго выстрела так и не было.

Марк не терпел ненастье, мокрый город отвратителен. Ставров бесцельно колесил по городу, сворачивал на пустынные улочки, где от стиснутого с боков пространства появлялось ощущение опасности. Тогда он возвращался на широкие проспекты, но и там было не по себе. Вдруг поймал себя на том, что мчался на бешеной скорости. Он бежал? Но разве от пули убежишь? Поставил машину у кафе в переулке, вошел, успев намокнуть, по лицу стекала вода.

– Сто коньяка, – бросил угрюмо бармену, облачиваясь

о стойку и окидывая взглядом полупустое кафе.

Музыка звучала сродни тягучему скрипу. Переменный красно-синий свет был неприятный, из-за него посетители походили на мертвецов. Тем не менее внимание привлекла пара за дальним столиком. Красивая девушка невнимательно слушала юношу, а он все говорил, говорил... Она действительно была красива даже при мерзком освещении. Впрочем, женщины с заурядной внешностью для Ставрова словно не существовали. Он их просто не видел. Да и сам он не обделен природой. Многие уверяли, что она даже слишком была щедра к нему, наградив еще и везением. Но в него стреляли. Это дало право рассматривать жизнь и каждый час ее под иным углом зрения.

Ставров слишком пристально смотрел на девушку, видимо, она почувствовала это, беспокойно обвела глазами зал и задержалась взглядом на нем. Скорее, любопытство промелькнуло в ее лице, нежели удивление, которое тут же сменилось... да, пожалуй, мольбой. Тем временем юноша прошествовал к стойке бара, а Ставров, прихватив бокал с коньяком, двинул к ней, лавируя между столами и стульями. Поставив бокал на стол, сел напротив, не спросив разрешения, и откровенно изучал девушку как редкостный экспонат. Она не запротестовала, напротив, как будто чего-то ждала.

– Эй, тут занято, – услышал он мужской голос.

Несмотря повернул голову. Юноша, спутник девушки, сто-

ял у стола, держа в руках две чашки кофе. Нечто петушиное в его облике едва не рассмешило Ставрова, но он лишь выразительно вздохнул, мол, мне тебя жаль, и обратился к ней:

– Это твой жених? (Она чуть заметно качнула отрицательно головой.) Муж? (То же движение головой.)

Ставров медленно, небольшими глотками, выпил коньяк и неожиданно даже для себя предложил ей:

– Поехали ко мне?

Она... согласно кивнула и встала.

– Алиса, ты куда? – взволнованно и вместе с тем изумленно спросил юноша.

– Ухожу, – просто ответила она.

– С этим? – вытаращился юноша. – С первым встречным? Ты же его не знаешь!

– Ну и что? – сказала без выражения и последовала за Ставровым.

А в это же время колеса рассекали лужи, образовывая с двух сторон мотоцикла по два веера воды. Он летел с бешеной скоростью, почти ничего не видя впереди, так как ливень заливал стекло на шлеме. Иногда, проезжая по ровной дороге, дергал руль на себя и ехал на одном заднем колесе, презируя опасность. Когда-то, после плена, товарищи дали ему кличку Лазарь – воскресший из мертвых, кличка приросла, настоящее имя забыл. С тем, давнишним, именем он жил в

другой жизни, где существовали понятия и ценности тоже другие, может, и важные, но ему не пригодившиеся. Затем ту жизнь разом отсекали, осталась она где-то далеко-далеко и почти изгладилась из памяти. А из нового периода он видел вспыхивающие точки, слышал – вью, вью, вью... Прямо в него летели пули, но облетали. Он знал: они не попадут. Лазарь воскрес, чтобы жить вечно.

У пятиэтажной «хрущобы» почти на окраине города остановился, вкатил мотоцикл в гараж для автомобиля. Сняв шлем, постоял с минуту под ливнем, подставив лицо потоку, потом, перемахивая через несколько ступенек, взбежал на второй этаж. Открыв дверь квартиры, задержался на пороге. Понял, что там пусто, но все-таки крикнул:

– Лина!

Ему ответила тишина, встретила его темнота. Лазарь почувствовал пустоту и внутри себя. Не зажигая свет, на ощупь прошел в комнату, опустился на ковер. Оперевшись о край дивана спиной, откинул назад голову. Темнота... она всегда наполнялась звуками, оживала, воскрешая в памяти знакомые эпизоды. Стены словно раздвигались, размывались, заполняя окружающее пространство видениями. Он услышал короткие автоматные очереди, увидел землю под ногами, которую вскапывали частые пули одна за другой по ровной линии, и всего шаг отделял от черты, где поджидала смерть. Столб земли взметнулся в небо... еще...

Эти видения с ним всегда, когда оставался один. Он бо-

ялся их и ждал. Это было частью настоящего.

Час спустя

Честно говоря, Ставров был удивлен не меньше юноши-петушка. И когда она последовала за ним, рассеянно соображал, что делать дальше, а потому продолжил бесцельное катание по городу, пересекая по многу раз одни и те же улицы. Она ни о чем не спрашивала. Он тоже. Молчала. Он тоже. Но ведь зачем-то он ее увел? Смешно и глупо. Не нашел ничего лучшего, как привезти ее в обыкновенную квартиру из двух комнат. Квартиру Марку когда-то купил отец, тем самым удалив сына из особняка, дабы тот не смущал молодостью юную жену. Отца нет, Ставров бывал здесь редко, посему на мебели скопился толстый слой пыли.

Пока она осматривалась, он присматривался. Очень красивая, высокая. Движения естественные, в них угадывалась гибкость. Лицо удлинненное, с выразительными чертами, такие лица называют иконописными. Ставрову не нравятся короткие стрижки у женщин, однако у нее стрижка удачная. Волосы цвета скорлупы грецкого ореха, а цвет глаз неопределенный, но темный.

Он снял пиджак и галстук, небрежно бросил на спинку кресла, ни на секунду не упуская из виду девушку. Налив в бокалы вина, протянул один Алисе.

– Тебе здесь нравится? – спросил, лишь бы не молчать.

– Неуютно, – был дан ответ всего одним словом.

– А я тебе нравлюсь?

– Тоже уютный. – Взяла бокал и пригубила.

Ставров замер, как давеча юноша в кафе. Точнее сказать о нем никто не смог бы. Уютный. Бесспорно, ему уютно в оболочке самодостаточного циника, уютно в лживом мире, уютно в окружении приятелей, а не друзей, уютно даже наедине с собой. А вот она уютная, удивительно спокойная и до того знакомая, что неожиданно засомневался: а впервые ли он с ней сегодня? Минуту назад Ставров, находясь во власти «привета из ада», забыл, зачем привозят женщину в пустую квартиру, а тут вдруг вспомнил, ощутив влечение:

– Иди ко мне, – мягко, но все же приказал Ставров.

Без жеманства Алиса, поставив бокал на подлокотник кресла, шагнула навстречу, обняла. Черт возьми, да он знал ее раньше, знал давно – уверился в этом с первым поцелуем. Просто они долго не виделись по непонятным причинам, а теперь снова вместе. И не надо притворяться, изображать агрессивного самца, а всего лишь отбросить условности и жить для себя, как Алиса – обнимала и целовала его для себя, потому что ей так хотелось. Стало свободно и просто. Он забыл о выстреле, времени, а помнил одно: есть он и она. Из глубины подсознания вынырнул настоящий Марк – чуткий и нежный, искренний и ранимый, который мог позволить себе роскошь довериться. А главное – не надо заполнять паузы пустой болтовней, все и так понятно. Снаружи

сверкнула молния...

На другом конце города щелкнул выключатель, узкая прихожая осветилась, на стене обозначилась тень. Пули и взрывы постепенно удалились, вновь проступили стены.

– Не включай свет, Лина, – попросил тихо Лазарь.

Он не выносил свет ни дневной, ни электрический. Ему мерещилось, что свет обнажал его полностью и Лазарь становился мишенью. А темнота его друг, он привык к ней, зрение обострялось, и не только оно, обострялись чувства, нервы.

Лина неторопливо сняла плащ, повесила в прихожей и бесшумно вошла в комнату. Присев перед ним, коснулась прохладной ладошкой щеки со шрамом от виска до верхней губы – след от ножа. Лазарь очень необычный. По предположениям Лины, ему лет двадцать пять – двадцать семь, не больше. Сам он об этом не хотел говорить не потому, что скрывал возраст, причина в другом: Лазарь вне времени, вне возраста, вне общества. Темные волнистые волосы всегда в беспорядке, небольшие глаза недоверчивы, тело крепкое, роста небольшого, но он очень сильный физически.

– Ты весь мокрый, – произнесла она едва слышно, ведь он еще не выносил и шума.

– На улице дождь, – сказал полушепотом, стараясь не дышать. Прикосновения Лины излечивали от видений, волновали и пробирались под кожу, отчего Лазарь расслаблял-

ся, чувствуя, как на смену страхам приходил трепет предвкушения.

– Тебе плохо? – спросила Лина, приложив свои губы к шраму.

– Нет, – и это была правда. – Почему ты приходишь так поздно?

– Работа, ты же знаешь. Ты... сделал?

– Да.

Он дернулся, глаза его сверкнули, тело напряглось. Лина, тонко чувствуя перемены в его настроении, поспешила губами закрыть рот Лазаря. Она дразнила не дразня, завлекала не завлекая, успокаивала без усилий, потому что это она. И так всегда. Чуть отстранившись, сказала:

– Ты устал. Я приготовлю тебе ванну.

И всегда безошибочно угадывала, что ему нужно в данный момент. Через минуту звук воды, наполняющей ванну, соединился с ливнем за окном. Блеснула молния, раскаты грома напомнили прошлое. Чтобы отвлечься, Лазарь стал расшнуровывать ботинки. Войдя в комнату, Лина взяла его за руки:

– Разреши мне?

Тонкие пальцы легко ослабили шнурки, сняли ботинки, куртку, рубашку. Раздев донага, Лина отвела его в ванную. Теплая вода обняла тело, рассредоточила внимание. Лазарь наслаждался, когда Лина водила скользкой мочалкой по спине, груди, плечам. Спину она мыла особенно тщательно.

но и осторожно. Жуткие полосы – следы от плетей – давно зажили, но создавали неудобства при жаре или ныли на погоду. Только руки Лины, как целебный бальзам, способны заставить забыть о боли, прошлом, которое всегда живо в Лазаре.

Утром следующего дня...

Ставрова точил червь сомнения: «Она обыкновенная потаскуха, опытная и хитрая. Вдруг наградила какой-нибудь заразой?» Поскольку внутреннее чутье отвергало подобные мысли, выставил убедительный аргумент: «Но почему она так легко пошла со мной?» На сей раз чутье промолчало. За чаем – больше ничего не нашлось – не выдержал:

– Ты так со всеми? Ты всегда отдаешься первому встречному?

Лицо Алисы потемнело, но ответила без тени обиды:

– Никогда.

И Ставров почему-то поверил. При свете дня рассмотрел цвет глаз Алисы – серые, но очень темные, издали казались черными. Невозможно не верить печальным и открытым глазам, видящим насквозь, и мудрым, словно Алиса прожила на свете лет двести. Такого с ним не бывало, но стало стыдно. Прикуривая и пряча взгляд, сказал то, что, по его мнению, она хотела услышать, а ему не хотелось говорить:

– Прости, я обидел тебя. Я не прав.

Она улыбнулась, черт возьми, с жалостью:

– Ты сказал то, что подумал. Так это и выглядит. Но это не так.

Уличила. Стало противно и от собственных подозрений, и от ее пронизательности. Он ретировался в спальню пере-

одеться, мысленно уговаривая себя: «Таких красоток много разгуливает по городу, и все они изошренные лгуны. Ну почему она пошла со мной? Я не верю ей». А чутье молчок. Но когда вернулся на кухню, где Алиса мыла чаши, почти с ужасом осознал, что прирос к ней. Неужели это возможно так быстро? Отвез ее, куда просила, договорившись встретиться здесь же в семь вечера.

Образцовый человек дела опоздал на работу, а без него ни одно решение принято быть не может. Дело, или, как сейчас принято говорить, бизнес – для Ставрова смысл жизни, без чего невозможно существование. Бизнес – это не только деньги, девочки, рестораны. Это работа иногда сутки напролет – напряжение мозгов и нервов, самоутверждение, азарт, в конце концов. Еще это творческий процесс, особенно когда крутишься в большом бизнесе с партнерами за рубежом, которые свято блюдут свои интересы. Здесь слюнявым не место. Ставров из тех, кто напрочь отвергает идеологию лентяев: человеку немного надо. Нет! Человеку надо много. Если же он довольствуется куском колбасы из высококачественной бумаги да тесной конурой – грош ему цена. Ставров вертится, как динамо-машина и имеет право есть в ресторане омаров, содержать роскошную эсэ-женщину, валяться на песке в Марокко. Хотя этими благами пользовался редко, ибо Сима готовит лучшие царского повара, от продажных эсэ-женщин воротит, а отдыхает... забыл, что это такое. Поражения и взлеты, переговоры и разъез-

ды, кипы бумаг, которые надо сто раз перепроверять, – все это бизнес. Поэтому Ставров, попав в офис, закрутился и забыл обо всем на свете.

Во второй половине дня секретарша, деваха кровь с молоком, броская, яркая, принесла письмо:

– Просили передать лично в руки. Сказали, срочно и очень важно для вас.

На конверте надпись: «**Ставрову М.**» Развернув сложенный белый лист бумаги, прочел: «**НУ КАК?**»

– Кто передал? – спросил, помрачнев.

– Парень э... такого вида... рокерского, что ли... Он меня встретил внизу, сунул письмо и убежал, очень торопился.

– Как он выглядел?

– Да никак. То есть... одет в кожаную куртку с молниями, кожаные штаны, армейские ботинки... и все.

– А лицо?

– Лица не видела. Он в шлеме мотоциклетном был, закрытом.

– Спасибо, можешь идти.

Вот «привет из ада» и напомнил о себе, отодвинув все-все на второй план. Марк некоторое время сидел как прибитый, затем, набрав номер, сказал:

– Леха, ко мне.

Через сорок минут Леха выковыривал отверткой пулю из двери. Ставров, прохаживаясь по террасе с колоннами, ждал. Чего, собственно? Леха не разъяснил бы, что произо-

шло и кто прислал более чем странный привет.

– А стреляли с близкого расстояния, – сказал Леха, орудуя отверткой.

– Я это еще вчера понял, – проговорил Ставров, подходя к нему. – Перепонки чуть не лопнули. Он не пользовался глушителем.

– Глубоко застряла.

– Птенчики, кушать будете? – появилась Сима и вдруг закричала на Леху: – Ой! Ты что делаешь?! Зачем дверь колуешь?

– Сима, отстань, – промямлил Ставров.

– Ты посмотри: отстань да отстань! – разошлась тетка Сима. – Испортил ведь! А ты? Где пропал, Марк? Дома не ночевал, где тебя носит? Ел хоть сегодня? Я накрою, а? Можно? – перешла на просительный тон.

– Иди накрывай, – разрешил Ставров, – только не зуди.

Сима засемила в дом, ругая вслух Леху за испорченную дверь, а тот протянул наконец пулю на ладони:

– На уровне головы прошла, – прыгнул на дорожку, походил и заключил: – Примерно отсюда стреляли. Где-то гильза должна быть.

– Автомобиль стоял вчера немного ближе, – сказал Ставров, рассматривая пулю, – значит, стреляли из-за него. Всего в нескольких метрах от меня...

– Повезло тебе, что промахнулись. Да куда ж она упала? – склонился Леха над дорожкой, шарил руками по траве.

– Не промахнулись. Мимо стреляли. Брось, гильза нам ничего не даст.

Ставров достал из кармана пиджака два конверта, протянул Лехе, тот тщательно изучал листы, будто там написано длинное послание.

– Понятно, пуганули. Что делать бум? – Леха вернул конверты, а Марк пожал плечами. – Я один не справлюсь. Зажывим в милицию?

– В милицию? Не знаю... может быть...

– Ты, босс, не догоняешь? Это вчера в тебя не попали...

– Не попали? – прервал задрожавший голос Сима. Они не заметили, когда та вышла из дома пригласить их к столу. – Вчера? Ну да... вчера бахнуло... Марк, в тебя стреляли? Ты врал про выхлопную трубу? А Лешка твой чего выковыривал? Пули, да?

– Сима! – закатил Ставров глаза к небу. – Что ты мелешь? Так всегда: слышишь звон, да не знаешь, где он. Накрыла, старая?

– Накрыла. – Сима растерянно мигала веками. – Идите, птенчики, перекусите. А то готовлю, готовлю, а есть некому.

В столовой стол ломился от яств. Леха уплетал за обе щеки, Ставров ел без аппетита. Сима встала у стула Марка, сложила на животе руки, сунув их под фартук.

– Ну что стоишь, как памятник? – недовольно проворчал Ставров. – Иди, старая, куда-нибудь, дай поговорить.

– А вдруг подать чего? – не двигалась Сима. – Да и не слушаю я.

– Когда понадобится, позову, – спокойно сказал Марк. – Иди!

Она ушла, закрыла неплотно дверь и громко потопала к кухне, но вскоре сняла тапочки и на цыпочках вернулась, приставила ухо к щели.

– Так что делать бум? – спросил Леха, накладывая вторую порцию пельменей.

– Думать. Ждать. Искать.

– Ждать еще выстрела? Неразумно. Ограда под сигнализацией?

– Да. Но почему-то вчера не сработала.

– Проверим. Если что – заменим. Желательно сторожа нанять. Ну а теперь скажи, босс, какие у тебя предположения? Кто мог...

– Подожди, – прервал Ставров и крикнул: – Сима! Кончай подслушивать!

– Кто подслушивает? Я?! Очень надо! – выдала себя тетка, отступая от двери.

– Нет, здесь мы не поговорим. – Ставров бросил салфетку на стол и поднялся. – Не стоит старую волновать. Поехали.

Леха торопливо выпил три стакана компота и выбежал за Ставровым. Но когда они садились в машину, Сима окликнула:

– Марк! Иди сюда, по секрету надо.

Он подошел к ней с самой кислой миной, какую только мог изобразить.

– Ты, это... – мялась тетка, – ночевать дома будешь, а?

– Говори без пролога, зачем позвала?

– Марк, – заскулила Сима, – чего у тебя стряслось? Про что вы говорили? Скажи, а? У меня душа не на месте.

– А ты поставь ее на место. Леха историю рассказал, и все.

Она кивнула, мол, верю, но подбородок задрожал, навернулись слезы.

– Старая, не вздумай реветь, – застонал Ставров, – я этого терпеть не могу.

– Не буду, не буду, – заверила она, всхлипывая.

Разжалобила. Ставров притянул Симу к себе, прижал к груди ее голову. Совершенно чужая тетка Серафима стала родней всех. Как-то зимой отец подобрал ее у ограды особняка. Она сидела прямо на снегу, и, как выяснилось, идти ей было некуда, так как дочь и зять просто-напросто выгнали ее из дома. По дурусти написала дарственную на домик и осталась на улице. Отец пожалел Симу, привел на ночь в особняк, с тех пор она и жила здесь, заведующая хозяйством. За несколько лет Ставров привязался к тетке, считая ее не домработницей, а полноправным членом семьи, теперь состоящей из Марка и Симы.

– Я поехал, Сима, – сказал мягко, отстраняя тетку. –

Жди вечером.

Леха крутил руль, а Ставров сосредоточился взглядом на крышке «бардачка». И ни одна мысль не посетила голову. Только выстрел звучал в ушах.

– Пойдем простым путем, – по-деловому начал Леха. – Враги у тебя есть?

– У кого их нет? – хмыкнул Ставров. – Но не думаю, что меня из сферы бизнеса кто-то начал доставать. Я в чужие дела нос не сую, осторожен так, что самому иногда противно. С партнерами отношения нормальные, разумный компромисс – мое кредо, не хапаю чужого. В общем, по большому счету ко мне не должны предъявлять претензий. И потом, надо иметь конфликтную ситуацию, чтобы кому-то захотелось убрать меня. Да и не станут мои вороги плести интриги с конвертами, это люди серьезные: решили убрать, убрали бы.

– Так, дальше. За последнее время случалось что-нибудь необычное?

– Нет. Вроде бы... нет.

– Значит, не уверен. Вспоминай, Марк, вспоминай все, что тебе не понравилось, к примеру, за год. Может, какой-нибудь незначительный факт даст нам в руки ниточку.

Однако последний год, в отличие от предыдущих, как раз и знаменателен тем, что сложился удачно. Ставров пахал, как ломовая лошадь, спал по четыре часа в сутки, забывая о выходных и праздниках. Оставшись один во всех смыслах,

нашел себя в работе. И фактически с нуля взлетел до шести нулей, в авангарде которых стояли скромные цифры. Отец оставил после себя мощный клан деловых партнеров, вложенные в бизнес деньги и имидж крупного дельца, чего оказалось достаточно, чтобы Ставров встал на ноги. Но...

– А хвост от твоего отца не может тянуться? – предположил Леха, прервав размышления Ставрова. – Ведь его убили. Сейчас взялись за тебя, а?

– Убийство отца – это отдельная история, – грустно сказал Ставров. – Я не могу ее привязать к нынешним событиям.

– Рассказал бы?

– Да, только не сегодня, я устал и... устал и все.

Он сказал правду. Усталость навалилась как-то сразу, охватили вялость и сонливость, словно Ставров давно не спал. Впрочем, так и было. Ему вдруг захотелось вымыться в душе, лечь в чистую постель, заснуть и спать сутки, двое, трое...

– Поворачивай, Леха, – неожиданно сказал телохранителю. – Я хочу домой.

Сима была счастлива. Поскольку Марк сразу ушел к себе, она доставала Леху, закармливая его и пытая рассказами о хозяйственных делах.

Прошло несколько дней

Ставров позволил себе побездельничать. За это время Леха нанял двух сторожей, соорудил для них нечто вроде будки у ворот, переменял сигнализацию. Подыскал еще одного телохранителя себе на смену, ведь и ему надо иногда спать. Не имея семейных уз, Леха решил теперь жить в доме босса до тех пор, пока не отыщется «письмоносец». Все эти предохранительные меры заняли пять дней, в течение которых Леха запретил Марку высовывать нос из дома.

Новых писем не подбросили, но это не принесло покоя. Однако настала пора выползти наружу, и Марк рванул на работу. Леха неотлучно находился при нем, даже сопровождал в сортир. И следующий день ознаменовался полным спокойствием. Леха не советовал расслабляться, а к концу дня у него разболелся зуб, Ставров прогнал телохранителя к врачу. Ждал его в кабинете в офисе, размышляя о том, что, по иронии судьбы, он превратился в заключенного: туда нельзя, сюда тоже. Наверное, так чувствует себя узник в одиночной камере, даже поговорить не с кем. Вдруг впервые в жизни отчетливо осознал, что страшно одинок. Это не то одиночество, которое описывают поэты, наслаждаясь им, как мазохисты, а полное, безнадежное одиночество, которое жутко тяготило. А ведь совсем недавно оно радовало, еще несколько дней назад он считал способность к оди-

ночеству достоинством, самостоятельностью. Тут-то и вспомнил... Алису. Будто кирпичом по голове огрели: он же назначил ей свидание шесть дней назад и не пришел! Зацемило внутри, как давно не щемило, словно потерял что-то очень дорогое навсегда. Собственно, так и было. Где ее искать? Забыв об обещании Лехе непременно дожидаться его, Ставров помчался к машине.

Вечерело, поэтому не сразу, а когда выезжал со двора офиса, обнаружил конверт, прижатый к стеклу «дворниками».

Одно слово, всего одно: «ЖДИ».

Бросило в жар, а пот почему-то выступил холодный. Трогая автомобиль с места, Ставров сказал вслух, сделав открытие:

– А мне страшно.

Нет чтобы укрыться в офисе и залезть под черный стол, как делал в далеком детстве, так он поехал в неизвестность. Чего только не творят люди со страху! На этот раз Ставров знал, куда и зачем ехал, а не просто убегал. Уверенно сворачивая на улочки, добрался до кафе, где встретил Алису. Не надеялся ее там найти, а все же... Кафе, видимо, не пользовалось популярностью, как и в прошлый раз, пустовало. Ставров остановился на пороге. Там, в углу, где она сидела в прошлый раз, теперь столик был свободен. Чудес не бывает.

Покинул переулок, расстроившись, впору выть по-волчьи.

«А Леха, наверное, мечется в поисках», – думал. И эти пробки в час пик!

Бок о бок с ним встал мотоциклист в круглом шлеме на голове и с закрытым «забралом». В тот миг Марк не обратил на него внимания.

Ставров достал одной рукой телефон, не упуская из виду дорогу и при первой возможности «проталкивая» машину вперед. Начал нажимать на кнопки, но автомобили впереди сорвались, торопились выбраться из затора. Решив не отставать, Марк бросил телефон на сиденье и нажал на акселератор.

Мотоциклист остался позади.

Наконец Ставров выехал на дорогу, где было немного просторней, но у светофора вынужден был притормозить...

Уже знакомый мотоциклист, вновь встав рядом, вдруг взялся за боковое зеркало машины правой рукой в кожаной перчатке. Ставров взбесился и... остолбенел. Вот когда припомнил описание секретарши внешности почтальона: кожаная куртка в молниях, шлем – кстати, был развернут «забралом» на Ставрова, кожаные брюки, ботинки. А еще Марка поразила наглость. Наглость человека, который уверен в себе, не боится Ставрова и демонстрирует свое превосходство. «Это он!» – закипело в мозгу.

На зеленый огонек светофора Марк резко взял с места, надеясь оторваться от мотоциклиста. Но не тут-то было. Одной рукой неизвестный удерживал руль, неплохо

управляя мотоциклом, другой вцепился в основание зеркала и смотрел, смотрел не на дорогу, а на Ставрова. За темным стеклом «забрала» не видно было лица, но нечто фатальное и жестокое исходило из глубины шлема. Ставров мчался, превышая скорость, сворачивал в переулки. С ним несли мотоциклист, будто прилип к автомобилю намертво.

Изнурительная поездка закончилась так же неожиданно, как и началась. Когда Ставров выехал на проспект, мотоциклист убрал руку с зеркала, поднял ее вверх, согнув в локте, – это был прощальный жест, и отстал. Он еще некоторое время следовал сзади, затем исчез из вида.

Стемнело, среди огней фар трудно отыскать мотоцикл, потому пришлось проверять, едет за ним тот парень или нет. Ставров замедлял скорость до минимума, резко срывался, но фантома на мотоцикле не обнаруживал. Ну и куда теперь? В офис, где ждал Леха? Домой к Симе? Где гарантия, что мотоциклист не поджидает его там? Да и один ли он? Где же спрятаться и подумать? Есть еще квартира – пыльная и неудобная, как сказала Алиса, где он не бывал месяцами, следовательно, о ней никто, кроме Лехи и Симы, не знал.

Поставив машину в гараж, поднялся по лестнице.

А на верхней ступеньке лестничного пролета, ведущего на третий этаж, сидела... Алиса, прислонив голову к перилам, и спала. В легком плаще ей, видимо, было холодно, потому вся съежилась, напоминая воробья в стужу. Ставров так и

остановился, не веря собственным глазам. Что это? Почему? Но чутье подкачало и на этот раз, только теплее стало на душе. Он присел рядом и осторожно обнял девушку. Голова Алисы перекатилась на его плечо, послышался сонный голос:

– Я жду тебя каждый день. Ты уезжал?

– Да. По делам.

– Я так и думала, – без тени упрека сказала Алиса.

Снова родилось ощущение, что давно знает ее. В один день он получил странный привет и встретил странную Алису. Сегодня его преследовал фантом, излучавший смертельную угрозу, но Алиса, внезапно появившись, как по волшебству, рассеяла страхи. Если бы так было всегда. Он шепнул ей на ухо:

– А на кровати будет удобней.

– Угу, – согласилась она, встала и, слегка шатаясь, побрела к двери его квартиры.

Она разделась с закрытыми глазами, легла, положив ладони под щеку и поджав ноги. Укрыв ее одеялом, ушел на кухню курить, но, вспомнив о Лехе, взялся за телефон.

– Ты офонарел? – заорал тот в трубку, даже в ухе зазвенело. – Где тебя черти носят?

– Не буянь, я у себя на квартире. Отдыхай, а завтра утром подъезжай сюда. Не забудь Симу предупредить, что ночевать не приеду.

Стараясь не разбудить Алису, лег в постель, она обняла

его:

– Я даже не знаю твоего имени.

– Марк. Меня зовут Марк.

– Марк... – повторила она и затихла.

Он уснул почти сразу, прижимая к себе Алису, будто боясь, что сон кончится и он останется один. Одиночество не под силу человеку, теперь Ставров это знал.

Тот же вечер, на другом конце города

Это случалось редко, но он застал Лину дома. Она единственный человек, кого он не хотел бы огорчить или причинить зло. Когда Лазарь вспыхивал, как спичка, буйствовал, Лина умело укрощала его, возилась, будто с маленьким ребенком, и это нравилось ему. При всем при том чувствовал себя Геркулесом по сравнению с ней, ее защитой и опорой. Если все, что находилось за окном, Лазарь воспринимал как чуждый и враждебный мир, то Лина – тот магический огонек, дававший тепло и надежность.

– Я немного пошутил, – сказал Лазарь, сбрасывая нервно куртку.

– Надеюсь, ты не сделал ничего... – настороженно замерла Лина.

– Нет, все нормально, – прервал он и кинул ей куртку. – Я прокатился с ним, держась за зеркало машины. Ну и лицо у него было.

– Это хорошо, – улыбнулась она, но тотчас на лице ее обозначился испуг. – Он не видел тебя?

– Нет, – Лазарь возбужденно прошелся по комнате, тонувшей в полумраке. Она знала о его патологическом неприятии света, поэтому электричество всегда горело лишь в прихожей. – Я был в шлеме. Он не узнал меня.

– Думаю, теперь надо выдержать паузу, – сказала Лина,

присматриваясь к нему.

– Ладно. Пауза так пауза, – и глубоко вздохнул.

– Тебе плохо? – подошла к нему вплотную Лина.

– Нет. Когда ты со мной, мне не бывает плохо.

– Может, тебе все же сделать укол?

– Нет. Я уже контролирую себя, заметила?

Лина утвердительно кивнула, дотронулась до щеки со шрамом ладонью, которую пылко схватил Лазарь и прижал к губам. Он не наркоман, просто накатывали периоды, когда необходимо снять возбуждение, поэтому в шкафу всегда лежат лекарства и шприцы. Лина помогла ему раздеться, приготовила чай. Горячий чай с мятой подала в постель. Лазарю нравится спать голым, ощущать кожей чистое постельное белье, вдыхать запах свежести. Выпив чай и съев бутерброды, он блаженно прикрыл веки.

– Мне... надо уехать, – осторожно сообщила Лина. – Ненадолго, недели на полторы... может, две.

– Опять? Надоело! – взорвался он и швырнул чашку через ее голову.

– Я понимаю, – она присела на диван, сжала пальцы Лазаря. – Но ведь это работа, за которую платят, хорошо платят.

– Я могу...

– Грабить на дорогах? – ласково улыбнулась она. – У тебя нет документов, ты не можешь устроиться.

– Мне не по душе, что я живу за твой счет.

– Это не имеет значения, кто за чей счет живет. Надо подождать. Купим тебе документы и уедем. Куда ты хочешь уехать?

Лазарь задумался, поглаживая Лину по колену, потом мечтательно произнес:

– Я бы хотел оказаться на необитаемом острове с тобой и не бояться солнца. Но таких островов нет. Мне все равно, куда уехать, лишь бы с тобой, только подальше отсюда. Мне надоели города, в городах живет ненависть.

– А я хочу в Париж, – наклонилась она к его лицу. – Это удивительный город. И там не живет ненависть.

– Тогда и я хочу туда, – пошутил Лазарь.

Он сдернул с плеч Лины халат. Лазарь обожал дотрагиваться до ее тела, гладкой и упругой кожи, чувствуя, как внутри зажигается огонь. Это значило, что он жив, не умер. Лина сбросила халат, прижалась к Лазарю телом, ластилась. А в нем просыпался зверь, доисторический человек с инстинктами животного, у которого всего три цели: набить желудок, поймать самку и выжить. Прежде чем ночь переросла в оргию, Лазарь выпалил:

– Если ты бросишь меня, я убью тебя.

Лина рассмеялась. Смех постепенно становился сладострастным, переходящим в стоны. Началась война, но в этой войне Лазарь всегда выходил победителем. Это и есть жизнь, его жизнь – Лина. Он готов ради нее на все.

На следующий день

Утром ни свет ни заря примчался Леха. Причина столь раннего появления еще одно послание, начертанное крупными буквами: «ДО СКОРОГО!»

– Где нашел? – спросил Ставров, истерически расхохотавшись.

– В почтовом ящике нашел сторож. Придется двор и особняк просканировать видеокамерами, авось повезет физию заснять.

– Я вчера имел честь его лицезреть, – попробовал пошутить Марк, что получилось плохо. Вид у него при этом был плачевный.

– Что?! – подскочил Леха.

– Тихо, Алиса спит. Идем на кухню.

– Кто такая Алиса? Откуда она? – по пути на кухню засыпал вопросами Леха.

Ставров рассказал ему подробно, как встретил Алису, где и почему, также рассказал о вчерашнем инциденте на дороге. Леха долго переваривал информацию, только мышцы лица подергивались. Давно, во время соревнований по боксу, ему повредили лицевой нерв, в минуты волнения или напряжения нервный тик давал о себе знать. Наконец, взглянув исподлобья на шефа, Леха спросил:

– Ты уверен, что встретился с ней случайно?

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился Ставров, так как в вопросе Лехи угадывался намек на причастность Алисы к письмам.

– Понимаешь, странностей многовато, – продолжил тот. – В тебя стрельнули, но не попали. Ты несешься через весь город, попадаешь в кафе и снимаешь чувиху, которая легла с тобой, а денег не попросила, потом ждет тебя каждый вечер у твоего порога. Нет, не спорю, красиво. Так сказать, с первого взгляда и все такое... Однако продолжают приходить письма с парой словечек, от которых в голове брожение. Ее не подослали? А?

– Не думаю... – неуверенно произнес Ставров. – Я в кафе оказался случайно, до этого там не бывал. Она не могла знать, куда я поеду... если думать, что она в сговоре. И вообще, когда я туда приехал, она уже сидела за столиком.

– Я ж не спорю, чего ты с обидой говоришь? Я просто... того... думаю вслух. Ты как хочешь, но я приставлю к ней человека. А пока прикинемся лохами.

– По-моему, это лишнее...

– По-твоему! Но не по-моему, – отрезал Леха. – Ты нанял меня охранять тело. Вот и буду охранять, как я это понимаю. Слишком много с тобой приключилось всего за последнюю неделю. А мотоциклист тоже случайность? Мне все это сильно не нравится. Давай завяжемся с ментами?

– Хорошо, если ты так считаешь. Только что им говорить? Все выглядит как-то несуразно, нелепо.

– А у тебя не появилось мыслишек по поводу того, кто может доставать тебя?

– Нет, – на этот раз уверенно ответил Ставров. – Ума не приложу...

– Доброе утро.

Алиса. Ставров посмотрел на девушку глазами Лехи: она подсадная утка, он, в самом деле, лох, к нему подбираются. Кто и почему? Хотелось взвзвить, как вчера. А глаза Алисы такие пронциательные, такие притягательные, и губы, и вся она, слепленная из воздуха, света и тени, манила. Треснуло в нем что-то, но не в том смысле, когда в оптимисте появляется трещина пессимизма, наоборот, у разуверившегося во всем человека появились проблески надежды. Марк падал в собственных глазах, угнетало и то, что Леха заметил слабину. А скольких мужиков бабы срубили под корень! Он отвернулся. Ну нет, Ставров не из слабаков.

– Ты готова? Едем, нам пора на работу, – сказал жестко и встал.

Прошел месяц

В прокуратуре завели уголовное дело по факту покушения... и все, тишина. Да и что они могли сделать? Там работают всего лишь люди, а не маги. Зацепок никаких, новых конвертов с «приветами» не поступало, время летело. Ставров поначалу помнил «До скорого!», отовсюду ждал опасности, что тяжело отразилось на его характере. Он стал без меры подозрительным, угрюмым, не доверял ни партнерам, ни сотрудникам, ни Алисе. Кстати, Алиса – это отдельная песня в жизни Марка, выявившая дополнительно скверные черты в нем, которые самому были противны. Утром ее ненавидел, вечером искал. За Алисой ходил по пятам шпик Лехи дней десять – так появился Кеша, – но «порочащих связей» не зафиксировал, наблюдение сняли. Хреновое это состояние – в каждом видеть врага без повода. Случалось (и часто), срывался на Алисе без причин, капризничал, придирался, в общем, бывал несносным. Та большие молчала, иногда казалось, что она глухонемая. Это ее качество доканывало.

– Почему ты все сносишь? – однажды поинтересовался он после очередной ссоры.

В ответ – ни слова. С одной стороны, Алиса игнорировала выпады Марка с царским снисхождением, с другой – он получил добровольную рабыню. Часто утром заставлял ее за

одним занятием: начищала его туфли до зеркального блеска. А на плечиках висела выстиранная и отутюженная рубашка. Когда она стирала – неизвестно, но стирала. Просил не делать этого – бесполезно, как не слышала. После очередной ночи так и находил рубашку на плечиках, туфли начищенными. Она настолько неразговорчивая оказалась, что за три недели их знакомства Марк ничего о ней не узнал, Алиса не рассказывала, а он не интересовался. Как вдруг...

Привез Леха его на свидание и увидел Марк Алису, сидящую на чемодане, а они собирались на концерт пойти, потом в ресторане посидеть.

– Что это? – уставился Ставров на чемодан, подозревая подвох.

– Извини, я не могу пойти с тобой. Меня выгнали из дома. Обескураживающая прямота! И это было сказано Марку! Следовательно, он просто обязан взять на себя защиту пострадавшей стороны, то есть Алисы. Вскипел:

– Как это – выгнали? Кто?

– Тетя Клара. Она вышла замуж.

С благородным гневом Ставров двинул к тете Кларе с Алисой, Лехой и чемоданом. Эта чертова тетя вздумала усложнять его жизнь? Ну, он ей покажет!

Встретила их молоджавая и крупная женщина лет сорока пяти, в малиновом халате, с таким же малиновым лицом, наверняка приняла внутрь значительную дозу малинового вина. Завидев троицу, Клара торопливо прикрыла вход-

ную дверь, мол, дальше порога не пушу, и скрестила на груди руки.

– Почему ты выгнала ее? – строго спросил Ставров.

– А ты кто такой? – зашипела тетя, окрашиваясь в бордовый цвет. – Она у меня на шее семь лет, сколько можно? Я дала ей крышу, образование... Ей, между прочим, двадцать пять! Она два раза замужем побывала аж по целому месяцу! И ко мне возвращалась. Мне что, до гробовой доски нянчиться с ней? Я тоже имею право на личную жизнь. Вот пускай помыкается одна, может, поймет кое-что. У меня муж молодой, а квартира однокомнатная. И с работы ее гонят, недотепу. Можешь забрать ее себе, только предупреждаю: она чокнутая. И в прямом, и в переносном смысле.

– Киса, что так долго? – в дверную щель выглянула упитанная, похотливая розга.

– Иди, тут по делу... – стушевалась тетя, сдвинув ярко накрашенные брови.

Ставров понял, что взывать к совести бесполезно, хотел уйти, но задержался.

– Он приставал к тебе? – спросил у Алисы.

Красноречивое молчание говорило само за себя. Вот и причина тетиной неприязни. Ставров отстранил ее, распахнул дверь и – тетин муж даже не успел ахнуть – с удовольствием врезал ему по розге. Тетя Клара заголосила:

– Убивают-ут! На помощь!

Муж, вписавшийся в стену, быстро оклемался (мужик

он здоровый и крепкий), выскочил на лестничную площадку, сжимая кулаки. Наперерез мужу выступил Леха с улыбкой на лице, расстегивая пиджак:

– Ну, а я буду бить долго и больно.

Мужа и тетю смыло, перед носом Лехи захлопнулась дверь, он разочарованно вздохнул. Вернулись в машину, сидели некоторое время в неловком молчании. Ставров усиленно думал, что делать. Не жениться же ему на Алисе, черт возьми! Уж это ни за что, никогда и ни на ком. Леха рассматривал небо, приборы, будто видел их впервые, проходивших мимо людей. Алиса покорно ждала решения. Наконец Ставров махнул Лехе, дескать, поезжай, а девушку спросил:

– Куда? – Это же вполне нормальный вопрос – куда она собралась с чемоданом. Но Алиса неопределенно пожала плечами. – У тебя есть родители?

– Они погибли в автомобильной катастрофе, когда мне было двенадцать лет. Я одна выжила, воспитывалась в детдоме, потом тетя Клара взяла к себе.

– Выходит, она выставила тебя на улицу? Ну и сволочь! – вознегодовал Марк, не переносивший сложностей.

– Она не сволочь, просто устала.

– А про мужей она правду сказала? – И это закономерный вопрос, ведь количество мужей в таком возрасте наводит на вполне определенные мысли.

– Да.

– Что, не выдержали? – неудачно пошутил.

– Не выдержали, – не смутилась Алиса, кажется, смутить ее вообще невозможно.

Леха, крутивший руль, насвистывал и чему-то посмеивался, а самое интересное – ехал наобум, ведь босс не указал направление. Ставров же лихорадочно придумывал, куда деть Алису. Она подсказала, прочитав его мысли:

– Наверное, мне в гостиницу.

Ясновидящая. Эта ее способность бесила. Ставров развернулся вполоборота, взглянул на Алису. Нет, она не ждала от него благородного жеста, что возьмет заботу о ней на себя. Но именно потому, что не ждала, сказал Лехе, правда, без энтузиазма:

– Поезжай ко мне на квартиру, она будет жить там.

И не появлялся несколько дней. Перешагнув порог, не узнал квартиру, где словно сделали ремонт. Алиса довела ее до блеска, как доводила до блеска его туфли. Ставрова встретила без упреков, не интересуясь, почему тот не приходил ночевать домой, только робко намекнула:

– В шкафу нет твоих вещей...

– Я живу у тетки Симы, она болеет, – нашелся Марк, полагая, что девушке ни к чему знать о его истинном материальном положении. Уж посмотрелся на юных дев, составляющих сети богатыньким. Кстати, Леху представил близким другом, почти молочным братом. – Давай поужинаем? Я голоден, а ты?

Она отправилась на кухню, вскоре пригласила... на чай.

Оказалось, холодильник пуст, у Алисы не было денег, она без работы. В ближайшем магазине затарился продуктами, отгоняя навязчивые мысли: «Я муж или любовник?» Ночью уверился, что любовник, днем чувствовал себя в шкуре мужа, который волей-неволей обязан обеспечивать свою половину. Правда, Алиса ничего не просила. Лучшее б просила, тогда бы, по крайней мере, знал, зачем нужен ей, а так... терялся. Видя скудный и прохудившийся гардероб Алисы, покупал одежду. И что она? Не пела от радости, а принимала как должное. Поразительная неблагодарность, считал Марк.

Алиса окружила его заботой, не доставала расспросами, еду готовила не хуже Симы, не упрекала за долгие отлучки. Вообще была убийственно положительная, до такой степени положительная, что Ставрову хотелось иногда ее придушить. Отношение к ней можно выразить одной фразой: «Вижу тебя – плохо, а не вижу – еще хуже». В общем, тянуло к ней, как скупого рыцаря к сундукам с золотом. Как бы ни вел себя, каким бы ни приходил, она принимала его с неизменной радостью, которую не выставляла напоказ, но она чувствовалась, появлялся ли Ставров среди ночи или после преферанса утром. Не понимал ее, подозревал, что за покорностью скрывается хорошо завуалированная хищница. А почему? Потому что несколько лет до этого, проведенных, как на плацдарме боевых действий, сделали Марка жестким. И причина тому – женищина. Но об этом он не желал

даже вспоминать, это в прошлом. Однако прошлое основательно мешало настоящему.

Как-то раз устроил экзамен, намереваясь вывести ее из себя. Позвонил и попросил срочно приехать в бар. Когда она вошла, целовался с размалеванной девицей, заранее заплатив той сотню. Вдруг «нечаянно увидел» Алису, оттолкнул девицу, сыграл замешательство и неловкость. Хорошо сыграл, убедительно. Алиса без истерик выскочила наружу. Успел заметить, в какое такси села, поехал следом, ликуя, что теперь-то она покажет истинное лицо, непременно закатит скандалчик.

Ошибся. Она собрала вещи и ушла. Нет, не кидала тряпки в чемодан с яростью обманутой жены, а спокойно, аккуратно сложила, сказала: «Прощай», – и ушла. Дом опустел, сразу стал неудобным, заброшенным. Что это? Почему Ставров ощутился как в вакууме, почему невыносимо было внутри: один, один как перст и еще – дурак? Дурак! Самое ужасное, она внесла сумятицу в его установившийся внутренний распорядок. То, что закрепилось под девизом: «Весь мир бардак, а люди твари, мне наплевать на все и вся, живу один – как хорошо», постепенно разрушалось. Это сложно, ведь уже не мальчик.

А все элементарно просто: Алиса создала атмосферу, в которой стабильно покойно. Да, она не из тех, кто коня на скаку остановит, вряд ли войдет и в горящую избу, но именно ее слабость и привлекала Марка. И верность. Его устра-

ивала роль незаменимого покровителя. Эмансипированных особ с завышенной самооценкой и подвешенным языком, да к тому же не с одним, еще и с иностранным, Марк не подпускал к себе на пушечный выстрел. И разве плохо жить без катаклизмов, изнуряющих ссор, выяснения отношений? Подспудно просто мечтал об этом, но когда у него фактически сложились семейные отношения – испугался, не поверил.

Бросился вдогонку, потому что с чувством неуютности и заброшенности жить невозможно ни одной минуты. Настиг, когда Алиса садилась в автобус.

– Ты куда собралась? – вырвал ее из толпы.

– К подруге.

– Нет у тебя подруг, насколько я знаю! Не ври! – повысил голос. Он ведь не из тех, кто просит, уговаривает, поэтому дальнейшая просьба выглядела приказом: – Останься.

– Хорошо, – не встала в позу обиженной Алиса.

Он осатанел, заходил по тротуару, размахивая руками, забыв, что это улица и здесь полно народу:

– И ты так спокойна... Я же обнимался с другой! Да возмутись же, в конце концов! Права качай! Что ты за человек?

– У меня нет на тебя прав, у тебя на меня тоже, – тихо ответила Алиса. – Я останусь, пока ты хочешь, чтобы я была с тобой.

Она кусала губы, сдерживая слезы, но они все равно по-

лились. И Ставрову, довольно жесткому человеку, стало жаль ее. Кто сказал, что жалость унижает? Ставрову тоже хотелось, чтобы кто-нибудь пожалел его, например, Алиса. Но никогда в этом ей не признался бы. Стоя на тротуаре посреди улицы, он прижал Алису, целовал в ухо, висок и бормотал, бормотал искренне:

– Я негодяй, Алиса. Прости меня. Я нарочно устроил спектакль. У меня никого нет, кроме тебя. Ты простила?

– Да.

– Но почему? Почему ты мне все прощаешь?

Она пожала плечами, беззвучно плача. Так выяснил, что ей часто бывало больно и не так-то просто она принимала его свободолобивый нрав. Однако после того случая в Ставрове произошел перелом. Если раньше со страхом воспринимал собственное закабаление, теперь находил отдохновение только у Алисы, летел к ней на всех парах. А она все так же начищала его туфли, стирала, готовила еду и светила счастием. Он, оказывается, способен дать счастье! Мысль согревала.

О письмах постепенно забывал и он, и Леха. Изредка, наткнувшись в ящике бюро на конверты, Ставров брал их в руки, но не разворачивал, с минуту держал и бросал назад. Что это было? На этот же вопрос Леха разводил руками:

– Идиотов на свете много.

Так проходили недели...

22 августа

Тогда Ставров чувствовал одно: еще немного, и кровь разорвет вены. Между руками, покоившимися на поверхности черного стола, лежал конверт, слепил глаза белизной. А Марк не мог вскрыть, предчувствовал: там запечатано нечто страшное. Машинально переговаривался с секретаршей. Просили срочно передать, это очень важно. Кто? Неизвестно, оставил на проходной молодой человек в мотоциклетном шлеме, предупредил, что Ставров ждет это сообщение.

Марк с минуту таращился на конверт, забыв о секретарше. Она открыла пухлый ротик в блестящей помаде цвета сливы:

– Я могу идти?

– Да... Стой! Позови Леху.

Через три минуты в смежной с кабинетом приемной взвизгнула секретарша, а Леха появился с довольной и красной физиономией. Без слов понял, что за конверт белел на черном столе босса. Леха переменялся в лице и взял конверт, вскрыл и положил перед шефом.

«АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС».

– Что-то с Алисой! Едем! – вскочил Марк в панике.

Дорогой не проронил ни слова, лишь нервно ерзал, когда Леха тормозил на перекрестках перед светофором. Торо-

пьясь, охранник бессовестно нарушал правила, однако сопроводовало везение – не остановили. У дома Ставров чуть ли не на ходу выпрыгнул из машины и побежал к парадному.

Алиса лежала на нижних ступеньках пролета между первым и вторым этажами с разбитой головой. Возле нее хлопотала женщина, вытиравшая полотенцем кровь. Завидев мужчин, бросившихся к неподвижной девушке, предупредила:

– Нельзя трогать. Возможно, у нее сотрясение. Она должна лежать неподвижно до приезда врачей. Без сознания она.

Ставров стал на колени, взял руку Алисы. Теплая, значит, жива. В это время Леха выяснял у женщины:

– Как это случилось?

– Откуда ж мне знать! Я из магазина возвращалась домой, вижу – лежит. Голова разбита. Я позвонила в «скорую».

– Значит, вы не знаете, сколько она до вас лежала? А сколько времени прошло после вызова «скорой»?

– Да тому уж минут тридцать. Ой, не трогайте ее! Нельзя!

Ставров, не слушая предостережения, поднял Алису.

– Марк, давай я понесу, – предложил Леха, протягивая руки.

– Беги заводи мотор, – приказал Ставров, спускаясь по ступенькам.

«Скорая» прикатила, едва вышли из подъезда. Алису уложили на носилки, втолкнули в машину и с сиреной повезли в больницу в сопровождении «Форда» Ставрова. Марк пытался сложить воедино Алису и конверты, впрочем, Леха тоже. Оба пока не делились версиями по поводу происшествия.

Результата ждали в больничном коридоре. Через часок объявилась хорошенькая медсестра, спросила, почему-то глядя на Леху:

– Кто из вас муж? Она пришла в себя, идемте со мной.

Леха судорожно замахал руками, мол, не я муж, затем указал пальцем на Ставрова, расплывшись в ехидной улыбке. Марк последовал за медсестрой, выслушивая, что должен принести: чашку, ложку, халат, ночную сорочку. В палате Алису нашел на кровати с перевязанной головой, прикрытую застиранной простыней в пятнах, и под капельницей. У постели сидела врач с неприступно-важным видом, завидев Ставрова, с ходу начала:

– Нам с вами необходимо кое-что решить. У вашей жены...

– Я ему не жена, – слабо уточнила Алиса, у нее патологическая тяга к никому не нужной правде.

Врач пожала плечами, дескать, мне все равно, продолжила:

– Значит, так, у... девушки сотрясение мозга. Это не опасно, но необходимо отлежаться и пройти курс лечения. А вот когда она упала...

– Я не упала, – сказала Алиса, – меня толкнули.

– Кто?! – изумился Ставров. – Кто мог тебя толкнуть?

– Не знаю. Женщина. Она ждала меня у дверей квартиры. Я поднялась на этаж, она вдруг налетела и толкнула вниз. Я хваталась за стены и перила... – Алиса замолчала, сглотнула слюну, ей было тяжело говорить.

– Помолчите, больная, – строго сказала врач, – вам нельзя перенапрягаться.

– Я попыталась встать, – не замолчала Алиса, – но она меня опередила и толкнула еще раз. Больше я ничего не помню.

– Проблема в другом, – напомнила о себе врач. – Дело в том, что у девушки угроза выкидыша. (У Ставрова вытянулось лицо. Он с любопытством уставился на врача, да еще слегка подался корпусом вперед.) Поскольку ей придется принимать препараты, что может отрицательно сказаться на ребенке, мы советуем прервать беременность. Хотя в трехмесячный срок это делать нежелательно...

– У меня три месяца и две недели, – вставила Алиса.

– Тем более, – сухо сказала врач. – Но в исключительных слу... Что вы делаете?!

Алиса отлепила пластырь на руке и выдернула иглу капельницы, потом села, прикрываясь простыней, и сказала:

– Ухожу. Где мои вещи?

– Послушайте, – попыталась уложить строптивую пациентку врач, – вам нельзя ходить. Видите, становится

плохо...

Алиса побледнела, приложила ладонь к лицу, однако нашла силы сказать:

– Я не буду прерывать. И препараты принимать не буду.

– Вы ведете себя возмутительно! – рассердилась врач и обратилась к Ставрову, стоявшему словно истукан: – Сделайте что-нибудь.

– Алиса, – он взял ее за плечи, – ты пока полежи. Никто без твоего согласия не станет насильно... прерывать...

Удалось уложить. Врач отправилась к заведующей отделением, очевидно, жаловаться, а он заходил по палате, туго соображая, что происходит. Он был огорошен новостями, растерян, не знал, чему радоваться, а чему огорчаться. Опять письмо, мотоциклист, откуда-то взялась женщина, столкнувшая Алису, еще и ребенок. Тут у кого хочешь крышу свернет набекрень. За ним следили два темных глаза с застывшим вопросом и ждали, как тогда в машине, когда тетя Клара выставила ее вон. Снова ему принимать решение. Не нашел ничего лучше, как спросить:

– Ты хочешь знать мое мнение?

– Нет, – сказала она разочарованно. – То есть... Кто та женщина? Почему она столкнула меня?

– Я не знаю! – выкрикнул с отчаянием, но тут же осекся. – Извини. Алиса, я, действительно, не знаю. Почему ты не поставила меня в известность?

– Ты о ребенке? Я должна была спросить твоего разре-

шения?

– Нет... наверное... но сказать... как-то подготовить... как снег на голову.

– Это мое решение, только мое, – сдвинула она брови.

– Прекрасно, – возмутился он и заходил по палате. – Ты всегда делаешь так, как считаешь нужным. Но я-то имею к этому какое-то отношение?!

– Вон оно что... – совсем помрачнела Алиса. – Ты сомневаешься, твой ли ребенок? Твой. Но тебе в угоду я избавляться от него не буду и требовать признания отцовства тоже не буду, успокойся. А теперь уйди, я устала.

Она демонстративно отвернулась, закрыв глаза. Ставров потоптался, понимая, что допустил оплошность, но столько навалилось неожиданностей, из которых сложно вычленить главное. Приблизился к кровати, позвал ее по имени, в ответ – молчок.

– Ладно, отдохай, – погладил Алису по ноге и вышел.

В коридоре обсудил с заведующей отделением положение Алисы. Решено было из травматологии завтра же перевести ее в патологию беременности, где врачи окажут квалифицированную помощь. Постепенно свыкался с отцовством, в конце концов, давно пора обзавестись потомством. Хотел было зайти в палату, но не пустила медсестра, сказала, что Алиса спит.

– Передайте ей, что завтра я привезу все необходимое.

Леха поздравил босса со скорым прибавлением, хихикал

по сему поводу, отпускал шуточки. Однако существовала более серьезная проблема: кто толкнул Алису?

– Не скрою, я не доверял ей, думал, что она каким-то боком... а выходит... свою-то не стали б... – был поражен не меньше Ставров Леха. – Мотоциклист есть. Теперь еще и женщина! Чтобы баба толкнула другую... на это должна быть серьезная причина. Слушай, босс, ты припомни, может, кому-то сделал младенца и отказался жениться, а она в ответ разозлилась?

– Что ты мелешь? – рассердился Ставров. – Крути лучше баранку.

– Я-то кручу, а все же... Алиса ее не знает, значит, это твоих рук дело. Я хотел сказать, что она, эта женщина, имеет отношение к тебе.

– Ничего не понимаю, только то, что сегодняшняя женщина и мотоциклист заодно. Она толкнула, а он привез конверт.

– Думай, босс, думай...

В это же время за городом

Днем он не увлекался скоростью. За управление мотоциклом днем его можно повесить на доску почета как образцового водителя, потому что среди враждебных правил людей он беззащитен, следовательно, осторожен. Лазарь сторонился людей вынужденно, подчинялся их правилам, которые не признавал. Он не хотел, чтобы его однажды узнали, поэтому лицо, такое приметное, прятал под шлемом. Обычно днем Лазарь жил затворником, и это его не угнетало, но лишь тогда, когда рядом была Лина. Если же ему приходилось покидать берлогу, да еще вместе с Линой, он наполнялся энергией, способной растопить льды океана, он оживал. И не важно, с какой целью заставляла его выходить на свет Лина. Она так хотела, вот и все.

На Лине тоже был шлем. Она сидела сзади, прижимаясь к Лазарю грудью. Хотелось бы прокатить ее с ветерком, проехать на одном колесе, чтобы почувствовала вкус опасности, чтобы ветер пронизывал насквозь, а предметы вокруг расплывались от скорости. Но Лина трусиха. Стоило Лазарю круто повернуть, не сбавляя скорости, она теснее прижималась к спине и ойкала, а он весело смеялся.

За городом, в роще, где в густой тени деревьев всегда влажная земля и сочная трава, остановились, сняли шлемы. Лазарь сбросил куртку, расстелил на траве, растянул-

ся рядом, широко раскинув руки и ноги. Лина прилегла на куртку, положив плечи и голову на грудь Лазаря.

– Представляешь, что он сейчас думает? – сказала она.

– Меня это не заботит, – пробормотал Лазарь, наслаждаясь щебетом птиц и стрекотом кузнечиков. Он так редко слышал эти чарующие звуки, казавшиеся ирреальными, из другой жизни. Они наполняли его покоем, и Лазарь забывал, что он не такой, как все. Только Лину не тронули маленькие радости, она могла говорить и думать лишь об одном. Тогда он спросил: – Девушка жива?

– Не знаю. Ее увезли на «скорой», я наблюдала из дома напротив. – Лина повернулась на живот, положила на кулачки подбородок, чтобы лучше видеть Лазаря, загадочно улыбнулась. – А у меня кое-что есть.

Раскрыла кулак, на ладони лежал ключ и цепочка.

– Что это? – приподнял голову Лазарь.

– Ключ от квартиры. От квартиры, где он живет с нею.

Алиса немного рассеянная, постоянно искала ключи. Однажды Ставров пошутил: мол, повесь на веревочку и носи на шею, раз у тебя проблемы с памятью. Алиса поняла буквально и совет воплотила в жизнь. Поднимаясь по лестнице, сняла ключ с шеи, а через мгновение полетела вниз.

– Значит, можно проникнуть в квартиру и покончить... – встрепенулся Лазарь.

– Постоянное напряжение, – мечтательно говорила Лина, не слушая Лазаря, – ожидание беды, полная неизвест-

ность, страх за свою жизнь, и не только за свою, – от этого с ума можно сойти. Пусть поживет. И потом – это главное, – я не могу подобраться к его деньгам. А без денег мы с тобой уязвимы и привязаны к этому городу.

Лазарь приподнялся на локте, с неодобрением произнес:

– А ты жестокая. Я сторонник скорых мер, не люблю мучить.

– А я хочу причинить боль, – нахмурилась Лина, повернулась на спину, ключ завертелся на ее пальце. – Лазарь, наша мечта скоро сбудется. Помнишь, мы говорили о Париже? Скоро поедем туда.

– Какой Париж? Парижу нужны деньги.

– Мне предложили великолепную работу. Знаешь где?

– В Париже, – скептически усмехнулся он.

– Именно! – Лина оседлала Лазаря, заговорила с небывалым воодушевлением, какого он не замечал в ней раньше. – Компания, где я работаю, сотрудничает с несколькими франкоязычными странами. Я хорошо зарекомендовала себя, меня отправляют на стажировку. Понимаешь, я не сильна в языке, предстоит подучиться. Но мои планы простираются дальше. Я найду там работу и пошлю к черту компанию. Представь, мы с тобой умчимся далеко отсюда...

– Лина, – тихо, с чуть заметной улыбкой скептицизма, сказал Лазарь, – где гарантия, что ты, попав в свой Париж, вернешься ко мне?

– Гарантия? – спустилась с небес она и только тогда заметила тревогу и недоверие в зрачках Лазаря. – Марк твоя гарантия. Марк Ставров.

На следующий день

Ставрова ждали сразу два удара. Первый: Алиса сбежала из больницы!

– Как это? Голая? Я же увез ее одежду! – Он уже ничему не удивлялся.

– Нет, не голая, она завернулась в простыню, – возмущенно сказала врач. – Да, еще стащила тапочки в соседней палате, вышла, когда никто не видел.

– У вас так запросто можно уйти из больницы? – рас- свирепел Ставров.

– У нас не тюрьма! – огрызнулась врач. – Это мы должны предъявлять к вам претензии. Если у вашей... девушки голова не в порядке, везли бы ее в соответствующее заведение! У нас с утра из-за нее переполох. За всю мою практику не бывало такого!

Ставров резко развернулся и поспешил покинуть больницу.

– Подождите, – кинулась за ним медсестра, хватая пакеты с фруктами, – вы забыли!

– Раздайте больным, – бросил на ходу.

Леха отвез босса на квартиру – там Алиса не появлялась, было видно невооруженным глазом. Ну и где же искать ее?

– Да не отчаивайся, босс, – пробовал утешить Леха, – не иголка, найдется.

– Угу, – согласно кивнул тот, однако прозвучало это песимистично.

Какая уж тут работа! Сказавшись больным, Ставров уехал в особняк, где Леха строил теории относительно таинственной женщины, столкнувшей Алису, а Марк разбивал их в пух и прах. На квартире оставили охранника Кешу караулить Алису, он должен позвонить, если она появится. Вдруг Ставров хлопнул себя по лбу:

– Ей же могло стать плохо на улице, – и схватился за телефон.

Сначала звонил в больницы, не была ли обнаружена на улице молодая женщина, одетая... в простыню и тапочки. В основном ему скупно отвечали «нет». Некоторые советовали позвонить в психиатрическую клинику. Да, конечно, в подобной одежде по улицам гулять может только сумасшедшая. Тетка Серафима ходила на цыпочках, но слишком часто появлялась в гостиной, навострив уши. Ставров напустился на нее:

– Да не ходи ты как маятник!

Сима отступила на кухню, подавая знаки Лехе, мол, иди сюда. Тот последовал за ней, когда Ставров начал обзванивать уже морги. Сима тщательно закрыла дверь и шепотом приступила к допросу:

– Лешка, скажи, что с Марком? Сам на себя не похож. Кого ищет?

– У босса есть женщина...

– А то я не догадалась! Дома-то почти не ночует. И что эта женщина?

– Пропала. Не можем найти.

– Ай-яй-яй! – схватилась за щеку Сима. – Слушай, а может, ее выкрали, а? Марк же богатый, выкуп за нее попросят, а? Не раз про такие случаи по телевизору слышала. Я одну передачу смотрю, так там всегда кто-нибудь кого-нибудь крадет и просит выкуп. Вот люди пошли! А у родственников справлялись?

– Нет, – оживился Леха и помчался в гостиную. – Босс, поехали! Я знаю, где ее искать. У чертовой тети.

На их звонок за дверью послышался голос Алисиной тети:

– Кто?

– Марк Ставров, откройте.

И встал так, чтобы тетя рассмотрела его в глазок и быстрее открыла. Но при их знакомстве расстались они недружелюбно, потому тетя и не подумала впускать.

– Чего тебе? – неприятливо донеслось из-за двери.

– Я ищу Алису. Она у вас?

– У меня ее нет.

– Послушайте, тетя...

– Я тебе не тетя! Мне племянников хватает.

– Извините, я не помню, как вас зовут... – едва сдерживался Ставров, чтобы не начать высаживать дверь.

– Арина Родионовна, – пошутила остроумная тетя Клара.

– Алиса больна, мне нужно ее найти. – Он был не в том состоянии, чтобы оценить шутку, продолжил увещевать вредную тетю. – Она упала, ударилась головой...

– Головой она давно ударенная, – вставила та с издевкой.

– Да замолчи ты! – взорвался Ставров и стукнул кулаком в дверь.

– Тетя, открой, – сказал Леха, отстраняя Марка, – а то дверь вышибу.

Щелкнул замок, в щели за цепочкой показалось лицо тети, перекошенное гневом:

– Попробуй только тронуть частную собственность, я весь дом подниму!

– Мы не сделаем вам ничего плохого, – поспешил заверить Ставров. – Мы ищем Алису, она пропала из больницы.

– Небось сбежала, – сделала вывод Клара. – Она у тебя жила? Вот, от тебя и сбежала. Так это еще долго продержалась, почти четыре месяца! Я ее замуж выдала за человека... мечта! Квартира трехкомнатная, машина, два ларька на рынке... (Леха гоготнул.) Да, два ларька и микроавтобус! Так она даже от него сбежала!

– У меня, конечно, микроавтобуса нет, – не мог сдержать улыбку Ставров, – но Алиса ждет ребенка, я боюсь...

– Алиска? – схватилась за сердце тетя Клара. – Нет, она чокнутая! Беременная, я правильно поняла? Вот это учудила! Забеременела и сбежала! Стерва потому что!

– Да погодите ее ругать, мы же ничего не знаем, – оста-

новил тетю Ставров и полез во внутренний карман пиджака. – Вот моя визитка, там несколько телефонов, по которым вы всегда меня найдете. Если объявится Алиса или даст знать о себе, позвоните, хорошо? Лучшие звоните на мобильный, это четвертый по счету телефон в визитке. Я боюсь, с ней могло случиться...

– Типун тебе на язык! С ней ничего случиться не может. Раз сбежала, обязательно придет ко мне. Так всегда. А я уж позвоню, не сомневайся. Мне она здесь не нужна, да еще с приплодом.

Ставров поблагодарил, попрощался, внизу сел на лавочку у подъезда с ощущением полного развала. Происходило такое, что недоступно пониманию. Он покусывал кулак, глядя перед собой и ничего не видя. Леха поставил ногу на лавку, попытался отвлечь:

– Оплошал ты, босс. Ларьков у тебя нет, микроавтобуса нет, трехкомнатной квартиры нет. Ты бы пригласил тетю к себе, может, ей все же дом с колоннами подойдет?

– Найдет Алису, я ей «Икарус» подарю, пусть подавится. Ладно...

Зазвонил телефон. Марк переговорил, стал мрачнее мрачного, приказал срочно ехать в банк. Это был второй удар.

Бухгалтера с сердечным приступом увезли в больницу. Причина: в банке со счетов Ставрова уплыли деньги. Как! – Ставров был вне себя. Ему показали документы с подпися-

ми бухгалтера и самого Марка! Это не умещалось в голове. Особенно потрясла доверенность на фирменном бланке, где значилось, что фирма «Логос» доверяет такой-то распоряжение денежными средствами фирмы, находящимися на р/с, без ограничений по суммам!

Взглянув на фамилию некоей Глазковой, Марк от потрясения разводил руками. Во-первых, такую доверенность он не писал никогда! Во-вторых, Глазкову в глаза не видел. Значит, готовые бланки с подписями, но без текста, которые имеются у каждого бизнесмена, попали в руки мошеннице? Да, Марк оставлял в офисе такие бланки, когда уезжал. Кто ими заведовал? Секретарша. Ее привлекли к допросу. Та ревмя редела и клялась, что бланков не выдавала никому. Следовательно, их выкрали в офисе. Кто же и когда проник туда?

В банке утверждали, что тщательно сверили подписи доверенности с оригиналами на банковских карточках. Мошенница имела с собой паспорт, данные которого внесены в доверенность. Сумму она заказала за несколько дней до получения, документы были в полном порядке, у банка не было причин заподозрить мошенничество. Марк вообще уже потерял способность мыслить и анализировать. Банкротом, естественно, не стал, потому что счета имел не в единственном банке, но кто-то здорово поработал, унес в общей сложности сто пятьдесят тысяч долларов в рублях и валюте! Ставров сидел как пришибленный, а вокруг копоши-

лись сотрудники следственных органов, банковские служащие трясли перед носом документами, в который раз доказывая свою невиновность. От суеты множества людей кружилась голова, Марк поднял измученное лицо и сказал:

– Потрясающе. Оказывается, из банка забрать деньги может любой проходимец. Ладно, теряют больше иногда. Едем, Леха, надоело.

– Куда?

– К ближайшему бару, напиться хочу.

Сима стучала спицами у телевизора, когда Леха ввел Ставрова, едва державшегося на ногах, да еще и разговорчивого. Обычно он нем, сдержан, с нордическим спокойствием, точь-в-точь Штирлиц из любимейшего сериала, который подарил ей Ставров на кассетах (кино и сериалы ее страсть). Тетка Сима тут же забыла про кино, а ведь могла пропустить там важные события, уставилась на Ставрова. Марк никогда не позволял себе напиваться до свиного состояния. Если он был слегка пьян, тогда у него характер немного портился, он капризничал и придирался. Но чтобы стоять не мог... такого не бывало. В то время как Сима не спускала изумленных глаз с Марка, он благополучно дотянул до ближайшего дивана и повалился на него. Обведя ословелыми глазами гостиную, выговорил:

– Сима... привет!

– Марк! Ты?.. – выговорила тетка потрясенно.

– Ну, я, я, я! Старая, чего вылупилась? Не имею права? Ну, вы-ик-пил! Так сразу шум поднимать надо? Хреново мне, поняла? Хреновей не бывает. Дай водки!

– Куда уж тебе... – вздохнула Сима. – Давай-ка в постель ложись.

Кинулась поднимать, да он мужчина большой и тяжелейший, Сима не справилась. Ставров же в домашней обстановке полностью расслабился, не контролировал себя, у него абсолютно нарушилась координация, только и мямлил:

– О, о, о! Пристала. Леха, помоги. В постель – это хорошо, но сначала водки. С-с-стакан! Усснуть и не просснуть! Сима, – поднимался по лестнице, поддерживаемый Лехой и теткой с обеих сторон, – детективы смотришь? Вот, перед тобой детектив. В натуральную величину! Вся моя жизнь – сплошной детектив. Поч-чему так? Что я сделал и кому?.. Ну, найду этих гадов, ну, получают они у меня!

Ставров завалился на постель в своей комнате и захрапел. Раздеть его не удалось – сопротивлялся. Сима, ругая Леху, допустившего попойку, сняла с Марка туфли и галстук, осталась на ночь караулить несчастного, чтобы тот во сне не стал блевать на спине и не захлебнулся. Ни на минуту не сомкнула глаз, заботливо переворачивала его на бок, прилагая немалые усилия.

Утром

А он хорошо поспал. Голова, правда, была чугунная да сухость во рту страшная. Ставров заворочался и заорал:

– Сима! Пить! Сима!

– На, не ори, – пробурчала Сима совсем рядом и подала высокий стакан с мутной и желтоватой жидкостью.

– Что это? – приподнялся Ставров на локте, глядя с подозрением на стакан.

– Рассол. Помидорный. Зять на опохмелку уважал. Пей, пей.

Ставров выпил залпом, протянул стакан, мол, еще. Сима налила из трехлитровой банки с помидорами рассола, Ставров выпил и поплелся в ванную. А она поспешила к телевизору, ведь не досмотрела вчера кино. Конечно, можно было и в комнате Марка посмотреть, но Сима предпочитала огромный телевизор в гостиной, перед которым чувствовала себя как в кинотеатре.

Входная дверь была нараспашку, Леха бегал по двору в трусах и кроссовках, кожа его блестела от пота. «Вот, ходил бы на работу, бегать некогда было бы», – подумала осуждающе Сима, села в любимое кресло, осторожно нажала на пульт. Только-только началось кино. Вскоре и Ставров спустился в гостиную с трехлитровой банкой в руке, из которой отхлебывал по глотку, завалился со стоном на ди-

ван.

– Плохо? – спросила она, беря спицы.

– Хорошо, – огрызнулся он. – Про что киношку показывают?

– Про женщину. Как она банки грабила и всех мужиков обставила. Вот жизнь у кого-то!.. Что-то с людьми приключается, куда-то едут, от кого-то бегут и рождаются с красотой. А я прожила скучно свой век. И зачем родилась? Вот смотри, ее заставят залезть в банк, сына потому что украли. А она их потом в этом банке запрет, сама сбежит, но деньги не возьмет. Она... вот он, сволочь последняя. Так у него деньги и заберет, сейф откроет и заберет. Ох и молодец, девка! Улетит с миллионами.

А Ставров оцепенел. Сима с ее дурацкими киношками подсказала ключ к разгадке, вызвав смертельный холодок. Страшные догадки перемешались с сомнениями. Он медленно поднялся, стараясь не упустить важные, толком не сформировавшиеся мысли, закопотившиеся под черепом, отчего, казалось, даже волосы шевелились. Женщина! Да, все дело в женщине. Невероятно! Быть того не могло! Однако в логическую цепочку вписались и «приветы из ада», и падение Алисы с лестницы, и банковская афера. Да, да, да! Женщина! Которая прекрасно знала его, также знала, что и где лежит. Но в том-то и дело, только одна-единственная женщина была способна так изощренно издеваться над Марком, но она НЕ МОГЛА ЭТОГО ДЕЛАТЬ!

Ставров вышел на террасу, залитую ласковым августовским солнцем, сел на ступеньки и подозвал Леху. Тот еще не видел босса более мрачным, Ставров даже побледнел, а Леха списал это на похмелье:

– Муторно, босс? Опохмелись.

– Я, кажется, знаю... женицину...

– Что толкнула Алису? Или что бабки хапнула?

– Обеих.

– Кто они? Откуда?

– Оттуда, – указал глазами под ноги.

В это же утро

Хрупкая женщина взяла над ним верх. Чем же? Пониманием, человеческим участием. Это же так просто – понять и принять, тогда вокруг оживают даже камни. И вот Лина уезжает. Ненадолго, как пообещала, однако это «ненадолго» нужно еще пережить в одиночестве, в четырех стенах, когда сутки становятся сплошной тьмой. Лазарь ненавидел все, что не связывалось с Линой. Но иногда, в одиночестве, его посещали мысли, что она совсем не та, за кого себя выдавала, что он ей нужен для выполнения цели, а потом... Когда он доходил до слов «а потом», сразу останавливал себя: «Нет, это все моя болезнь, она делает меня подозрительным. Если бы Лина хотела, давно бы меня... или не вернулась бы. Все болезнь, проклятая болезнь».

Сегодня он верил ей, верил, что она вернется, и собрался ждать хоть вечность. Лина нервничала, то и дело принималась плакать.

– Без меня ничего не предпринимай, оставь его в покое, – давала последние наставления перед отъездом. – Ты слишком заводной, а я не хочу, чтобы ты влип. Еды полный холодильник, деньги в шкафу. Да, там же и лекарства, но пообещай, что с тобой без меня ничего плохого не случится. Пообещай.

– Клянусь, – улыбнулся он, ему нравилась ее опека.

– Будь добр, не выходи из дома без надобности. При первой возможности приеду, зарплата позволит мне это делать. Кстати, теперь во Францию ходят автобусы с туристами, что облегчает задачу. К тому же дешевле самолетов с поездами. И, пожалуйста, готовь еду, не мучай себя сухомяткой. Вроде бы все... Ай!

Он привлек ее к себе, сжал до боли, но Лина больше не вскрикнула, а улыбалась сквозь слезы. Лазарь понимал, целуя ее, что бравада Лины напускная, на самом деле она очень беспокоилась за него, предстоящая разлука ее страшилась. Поэтому и уверился, что Лина вернется, поэтому был спокоен. Как бы он хотел порвать путы условностей, делающие людей заключенными одного города, одной земли, и отправиться за Линой. Сами люди загнали себя в рамки, приняли законы, которые должны ограждать их от себе подобных. Они придумали даже бога. А все почему? Потому что люди несовершенны, боятся и ненавидят друг друга, они лживые и подлые...

– Лазарь, – Лина взяла его лицо в ладони, заглянула в глаза, – о чем ты задумался?

– О нас. Я уже скучаю.

– Я же уезжала...

– Да, и всегда было... плохо без тебя.

– Милый, это временно. Потерпи. Скоро все закончится, мы уедем вдвоем, когда я заберу свои деньги у Ставрова. Вот увидишь, мы станем абсолютно свободными, потому что

никому не будет дела до нас.

Слова... их много, но их не хватает, словами невозможно выразить боль, тоску, чувство утраты. Среди тысяч слов нет нужных для прощания, хотя тома словарей составили люди... люди, которых он ненавидел.

Несколькими часами позже

Возник следующий вопрос: как проверить, она это или не она? Марк перерыл кабинет, искал, правда, сам не знал, что, просто перебирал все имеющиеся документы. Разумеется, поиски были тщетными. Затем, хорошенько поразмыслив, принялся искать уже конкретные документы, но и их не нашел. Спросил у Симы, где еще могут храниться бумаги отца.

– Да все здесь, – ответила она. – А что ты ищешь?

– Свидетельство о браке отца. О втором браке.

– Да, было, помню, было. Ищи. Мне оно ни к чему.

– Выкинуть ты не могла?

– Зачем? Бумаги есть не просят.

Да, Сима бережливая, ничего не выбрасывала. Даже если просил выбросить что-нибудь, она складывала у себя в комнате, а потом, случалось, доставала при необходимости. И ворчала: «Вам бы все выкинуть».

Марк перерыл кабинет вторично. Пусто. Но теперь решение, куда податься и что делать, пришло быстро. Ставров мигом переоделся, Леха выкатил машину из гаража.

– В банк, Леха, гони! – плюхнулся на сиденье Ставров.

Заведующая банком встретила с любезностью, с какой встречают толстосумов, к тому же Ставров – ценный клиент, а после передраги возникла угроза его потерять.

– Мне нужны ксерокопии со вчерашних документов, – по-

требовал Марк.

– Минуточку.

Вскоре он уже держал листы в руках, раздумывая, чем это поможет. Вот она – фамилия, которой раньше не знал, но возникли подозрения, что женищина, носящая ее, связана с семьей Марка. Почему так подумал? Дело в том, что столкнуть Алису с лестницы, равно как и «приветы» посылать, и по карману ударить, мог человек, имеющий большой зуб на Марка. Проворачивая вехи своей жизни, пришел к выводу, что все сходится на одной-единственной женищине. Однако совсем непонятно, откуда она взялась. Сумбурными мыслями поделился по дороге в милицию с Лехой, тот в недоумении сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.